
ОГОНЁК
№ 45 НОЯБРЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В. И. Ленин на пути в Петроград в апреле 1917 года.
Картина А. В. Моравова

На первой странице обложки: Залп «Авроры».
Рисунок В. С. Климашина

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 45 (1326)

2 НОЯБРЯ 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Смольный — боевой штаб Октябрьской революции. В памятные дни Октября 1917 года сюда стекались с окраин города рабочие, красногвардейцы, солдаты. Из Смольного они шли на штурм Зимнего. В Смольном находились В. И. Ленин и И. В. Сталин, руководившие вооруженным восстанием. В Актовом зале Смольного, на II Всероссийском съезде Советов, были приняты первые ленинские декреты о земле и мире.

На снимке: в канун 35-й годовщины Великого Октября к Смольному пришел старый рабочий Кировского завода, участник штурма Зимнего, А. К. Мирошников с пионерами — учащимися 157-й средней школы Смольнинского района Ленинграда.

Фото И. Фетисова

ЛЮДИ ЧЕСТНОГО ТРУДА

Сталевар у электропечи. Водитель могучего комбайна. Ткачиха, открывшая новые резервы в своих станках. Экскаваторщик, прокладывающий в степи путь живительным потокам воды. Ученый, обогащающий советскую науку. Педагог, посвятивший себя благородному делу воспитания юного поколения... Люди разных профессий — они заняты честным трудом, который высоко оценивается и охотно поощряется в нашей стране.

Таких людей имел в виду товарищ Г. М. Маленков, говоря на XIX съезде партии, «что социалистическая система обеспечила раскрепощение личности, расцвет индивидуального и коллективного творчества, создала условия для всестороннего развития талантов и дарований, таящихся в глубинах народных масс».

Мы рассказываем сегодня лишь о некоторых из них — людях честного труда, которыми гордится наш народ.

По-разному складывалась их жизнь. Прикарпатская крестьянка Евгения Долинюк была обречена на нищету и невежество под пятой иноземных магнатов, но советская власть превратила ее в крупную колхозную деятельницу. Алексей Сторонкин родился в счастливую эпоху; ему не пришлось познать горя, которого вдоволь испил в молодые годы его отец — питерский токарь. Ныне сын токаря — крупный советский ученый. Вторую молодость обрела после Великого Октября старая учительница Зинаида Северова. Огромное счастье выпало на долю Евгения Симака, вынувшего первый ковш земли на строительстве Волго-Донского канала...

Единой целью воодушевлен их честный труд. Все они, как и миллионы советских людей, осуществляют великий сталинский план, являются творцами новой жизни, строителями коммунистического общества.

Неистощимое творчество

Мы видим, как вращается ротор электрической машины со скоростью 15 тысяч оборотов в минуту. Впивается острый резец в сверхпрочную сталь. Контрольный прибор-автомат улавливает тысячные доли миллиметра. Хронометр точно отсчитывает секунды...

Современной сложной технике нужен металл самых различных и неожиданных качеств: очень мягкий и очень твердый, легкоплавкий и жароупорный, не знающий усталости в работе и не боящийся кислот. Техника сегодня требует почти все металлы, таящиеся в недрах земли. Хром, никель, вольфрам, молибден, ванадий,— десятки элементов из менделеевской таблицы применяют теперь в самых различных сочетаниях советские металлурги в поисках стали и сплавов с новыми свойствами. И часто в особой марке стали содержатся необычайно ценные, редкие металлы. Из тонны руды их извлекают миллиграммами.

Андрей Павлович Рыбушкин — сталевар подмосковного завода «Электросталь» — утверждает, что иногда он варит в электропечи плавки ценою в сотни тысяч рублей. Скорее он преуменьшает, чем преувеличивает их стоимость.

— Вы подумайте только, — говорит сталевар, — емкость моей электропечи всего несколько тонн. Она карлик против магнитогорского мартена. Но, как говорится, мал золотник, да дорог. Я напряжен до последнего нерва, когда веду дорогую плавку. Как бы не запороть ее!

Завод «Электросталь» молод. Он создан советской властью на месте полукустарной литейной мастерской, от которой уже первая пятилетка не оставила и следов. И кадры на заводе — советской формации. На «Электростали» успели освоить свыше 500 различных марок стали и сплавов. Андрей Павлович не может точно сказать, но думает, что до сотни различных марок выплавил и он, начав работать на этом заводе в 1936 году.

Как же тут не вспомнить наших знаменитых златоустовских сталеваров-«колдунов», которые и тайной булата владели и лучшую в мире пушечную сталь отливать умели. В конце концов уральские самородки-мастера при всей артистичности работы знали от силы 8—10 рецептов, крепко хранили свои производственные секреты, передавая их по наследству от отца к сыну.

В 1951 году сталевар Рыбушкин с группой инженеров завода «Электросталь» был удостоен звания лауреата Сталинской премии. За что?

— На моей электропечи, — отвечал сталевар,— впервые была разработана и внедрена новая технология производства электростали. Потрудились мы немало над этим делом. Одолели все-таки, добились своего. Плавим теперь и быстрее и дешевле...

Андрей Павлович и его трое подручных брались в честь XIX съезда партии выполнить сентябрьскую программу на 105 процентов. Вышло 125 процентов!

— Выиграли время на капитальном ремонте печи, — объясняет сталевар. — Нам по очень жесткому графику дали десять дней на полный ремонт. А мы уложились в шесть. Верите ли, за каждую минуту бились. Работали с напряжением, но весело.

Поистине неисчерпаемы творческая энергия и трудовая доблесть свободного человека сталинской эпохи!

С. КАНЕВСКИЙ

Сталевар А. П. Рыбушкин у электропечи.
Фото А. Шайхета

Профессор—сын токаря

Василия Ниловича Сторонкина — токаря с Выборгской стороны — знали на многих заводах страны. Из-под его резца выходили детали самой сложной конфигурации и ювелирной точности. Отовсюду приезжали токари посмотреть, как он работает.

Старый питерский рабочий Сторонкин в советское время достиг совершенства в своей профессии. На заре стахановского движения он издал свой научно-практический труд объемом в двадцать шесть печатных листов — «Спутник токаря-резьбовика». По этой книге училось целое поколение советских токарей.

Все считали, что Алексей Васильевич пойдет по стопам своего отца, станет машиностроителем. Но Алексей увлекался химией. В дни выхода в свет книги отца Алексей поступал на первый курс химического факультета Ленинградского университета.

Как-то Василий Нилович раскрыл журнал «Физическая химия» и увидел имя сына. Хотя в статье речь шла о сложных исследованиях, связанных с установлением новых закономерностей в науке о растворах, токарь понял значение этой проблемы.

— За трудную и важную тему взялся, — одобрительно сказал он.

...В семье токаря Сторонкина отмечали два больших события: Василий Нилович праздновал награждение его орденом Ленина, сын его окончил университет с отличием. Алексей стал специалистом в области физической химии и был зачислен в аспирантуру.

Война прервала исследования. Василий Нилович проводил сына на фронт. Это была последняя встреча Алексея с отцом, погибшим в дни блокады на трудовом посту на заводе имени Карла Маркса, заводе, которому отдал сорок лет своей жизни.

Продолжить научную работу Алексей Сторонкин смог лишь после возвращения с фронта, в 1945 году. До глубокой ночи не гасли огни в университетской лаборатории. Аспирант шаг за шагом приближался к заветной цели. И когда объявили, что он будет защищать диссертацию на соискание звания кандидата химических наук, послушать его приехали многие видные ученые, — настолько интересна была тема исследований.

А. В. Сторонкин в лаборатории.
Фото Б. Уткина

Официальные оппоненты—член-корреспондент Академии наук СССР А. Ф. Капустинский, профессор С. А. Шукарев,— считая, что «работа Сторонкина знаменует собой новый значительный шаг вперед от завоеванных позиций химии», предложили отойти от общепринятых правил и присвоить диссертанту не кандидатскую, а сразу докторскую степень.

Ученый совет единодушно поддержал это предложение. Так вошел в ряды видных деятелей советской науки тридцатидвухлетний Алексей Васильевич Сторонкин, сын токаря с Выборгской стороны. За свой научный труд А. В. Сторонкин был удостоен Сталинской премии.

С XIX съезда партии, делегатом которого был Алексей Васильевич Сторонкин, ученый-коммунист вернулся с новыми творческими замыслами, с горячим стремлением в рядах великой армии советских ученых бороться за первенство мировой науки.

К. ЧЕРЕВКОВ

Герой Волго-Дона

Евгений Симак сел за рычаги управления в кабине «Уральца» и, прежде чем привести в действие экскаватор, окинул быстрым взглядом строительную площадку. Перед ним лежал затопляемый вешними водами низкий берег Дона. Экскаваторщику предстояло вынуть на этой пустоши первый ковш земли и тем самым положить начало строительству Цимлянского гидроузла.

Первый ковш земли мог вынуть и другой экскаваторщик: их уже много прибыло тогда на Волго-Дон. Но именно ему, Евгению Симаку, в праздничный день 7 ноября 1949 года предоставили почетное право выбрать на месте будущего котлована первый ковш грунта. То было признание большого опыта, с которым прибыл на Волго-Дон новый экскаваторщик. Этот опыт накапливался в местах, расположенных далеко от донской поймы.

Демобилизовавшись из армии, танкист Евгений Симак вернулся на родной рудник Хром-Тау, в Казахстане, чтобы учиться здесь новому делу — искусству управлять экскаватором, великолепной машиной «Уралец», лишь недавно полученной горняками.

У Симака был хороший учитель — Андрей Петрович Бояринцев, знатный человек на руднике. Дела пошли так, что ученик, постигая все тонкости приемов мастера экскавации, стал обгонять учителя — явление, обычное в советской жизни. Евгения потянуло к новым высотам мастерства. Как-то, посоветовавшись с Бояринцевым, он решил поехать учиться в Ленинградский горный техникум. Летом 1949 года его провожала молодежь рудника, провожал любимый наставник Андрей Петрович Бояринцев.

— Пиши... Ждем письма...

Но первое письмо на рудник Евгений Симак отправил 7 ноября 1949 года — в тот памятный день, когда его могучий «Уралец» бросил в кузов самосвала первые три кубометра земли.

Вечером, радостно возбужденный, вернувшись домой, он написал друзьям, что на пути в Ленинград, в Москве, встретил знакомого мастера с Уралмаша, монтировавшего когда-то экскаватор в Хром-Тау.

— Еду на новое место, в район станицы Цимлянской, — сказал свердловчанин, — «Уралец» монтировать. Присоединяйся, если хочешь... Там люди нужны...

Так Евгений узнал о Волго-Доне, так изменился его жизненный путь. По велению сердца Симак поехал на берега Дона, чтобы все, чему научился у лучшего экскаваторщика рудника, отдать великой стройке.

В степи не было ставших уже привычными удобств рудничного быта. Жить пришлось по-походному. Налетали пыльные бури, осенние тучи проливались холодными дождями, ревели свирепые вьюги. Но неизменно, в любую погоду, работал со своей бригадой Евгений Симак.

Там, где был вынут первый ковш земли «Уральцем» Симака, усилиями многих машин образован гигантский котлован. В нем выросла железобетонная плотина, и через нее — по новому руслу — пошел тихий Дон. За два года работы Евгений Петрович вынул миллион кубометров грунта и стал первым «миллионером» на Волго-Доне.

Когда в Хром-Тау Бояринцев узнал о «миллионере» Симаке, он отправил на стройку телеграмму:

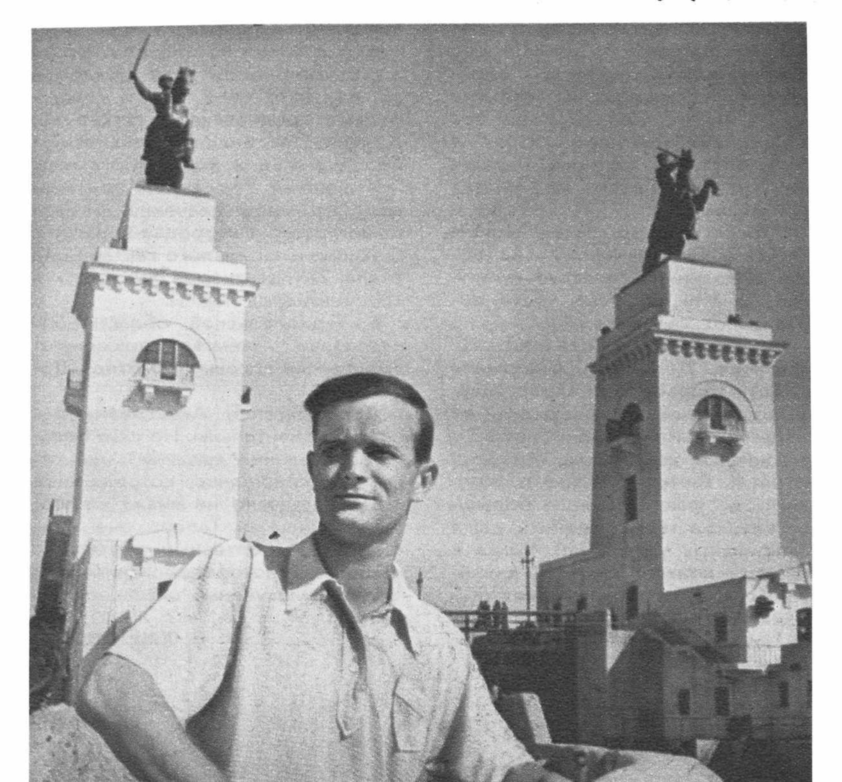
«Весь рудник поздравляет дорогого строителя коммунизма. Гордимся, радуемся, желаем успеха. Выезжаю к тебе на отпуск смотреть твои дела. Бояринцев».

К этому времени Симаком гордилась вся великая стройка. Он уже был известен как автор книги о новых методах труда, как лектор, учитель многих экскаваторщиков.

Вскоре страна узнала о том, что один из лучших мастеров экскавации Волго-Дона, Е. П. Симак, удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Е. КАРПАЧЕВ

Герой Социалистического Труда Е. П. Симак.
Фото Л. Портера (ТАСС)

Ткачиха М. В. Волконская.
Фото Б. Вдовенко

Ткачиха из Калинина

Калинин. Ткацкий цех фабрики имени Ворошилова. Шумят станки. Весело снуют челноки, неутомимо наращивая белоснежные полотна.

По узкому проходу между станками движется стройная моложавая женщина. Нельзя не залюбоваться, как красиво она работает. Поступь ткачихи необычайно легка; движения точны и рассчитаны; руки, согнутые в локтях, готовы к немедленному действию. Это лучшая ткачиха фабрики Мария Владимировна Волконская. Биографию ее со времени выборов в Верховный Совет СССР знают все трудящиеся Калининского избирательного округа.

Двадцать восемь лет назад робкой девочкой, прямо «из нянек», пришла Волконская на текстильную фабрику. Живой интерес к технике, упорная учеба, с каждым днем крепнущая любовь к профессии ткачихи быстро выдвинули ее в ряды передовых работниц. Когда вичугские ткачихи Виноградовы подняли знамя стахановского движения, Мария Волконская первой на фабрике перешла на 12 станков.

В годы войны, после освобождения Калинина, Мария Владимировна с двумя дочками вернулась из эвакуации в родной город, разрушенный врагом, и горячо взялась за возрождение былой славы калининского текстиля. Она предложила начать соревнование за пять метров ткани в час с каждого станка.

Имя Марии Волконской известно и трудящимся стран народной демократии. В составе делегации Советского Союза она побывала в городах Германской Демократической Республики, Венгрии и Албании. Волконская делилась с текстильщицами опытом.

...Волконская движется легкой, скользящей походкой между станками, поворачивая голову то вправо, то влево. Слегка прищурив глаза, она зорко осматривает полотна и основы, на ходу быстро проводит рукой по товарным валикам: проверяет правильность намотки суровья.

За 6 минут, строго следуя по разработанному маршруту, Волконская успевает четыре раза обойти свои 24 станка. Механизмы работают с большой скоростью и высокопроизводительно.

В помещении фабричного комитета профсоюза идет оживленное обсуждение итогов социалистического соревнования в честь XIX съезда партии. В ходе этого соревнования фабрика на 10 дней раньше срока завершила 9-месячную программу. За высокую производительность и качество труда на Доску почета заносятся имена М. В. Волконской и ее учениц.

А вечером, отдохнув после трудового дня, знатная ткачиха сидит за столом в своей квартире, склонившись над «Правдой». В директивах съезда партии ею подчеркнута одна строка: «Хлопчатобумажные ткани на 61 процент». Это значит, что за пятую пятилетку выпуск тканей вырастет на 61 процент. Это значит, что ей, Марии Владимировне, надо думать о новых, еще не использованных резервах подъема производительности труда.

Н. КАВСКАЯ

Слава комбайнера

Осенью прошлого года кубанский комбайнер Дмитрий Иванович Гонтарь оказался проездом в Москве. Он возвращался к себе в станицу из села Шовского, Трубетчинского района, Рязанской области, где за 12 рабочих дней скосил 400 гектаров ржи, намолотив свыше двух с половиной тысяч центнеров хлеба. То был уже второй урожай, собранный Гонтарем за один год. Первый, в несколько раз больший, убрал он дома, на Кубани, в колхозе имени Кирова. Затем погрузил свой комбайн на железнодорожную платформу и отправился помогать рязанским колхозникам. Так бывало каждый год; так уезжал он в Сибирь, Казахстан. Все на Кубани к этому привыкли, и ничего особенного не видели в том, что их земляк справляет в году два «лета».

На Рязанщине широко разнеслась молва о мастерстве Гонтаря. К его комбайну съезжались люди со всего Трубетчинского района. Гонтарю приходилось чуть не

Комбайнер Д. И. Гонтарь на XIX съезде партии.
Фото Б. Кузьмина

каждый вечер после работы выступать с публичными лекциями.

Одного из местных комбайнеров Гонтарь взял к себе на агрегат. Но, в сущности, теперь механизаторы всего района стали его усердными учениками. Когда подошло время расставаться, Дмитрий Иванович передал свой комбайн № 33195 самому настойчивому из них. Он так и сказал:

— Нужно, чтоб комбайн попал в хорошие руки.

И вот летом этого года приезжают рязанцы к Гонтарю на Кубань.

— А я уж вам письмо собирался писать, — встретил он их. — Новостей у нас тут столько, что зевать никак нельзя, иначе опять отстанете.

Во-первых, гости узнали, что зерно с бункера идет теперь прямо на элеватор. Последняя очистка производится не на току, а непосредственно на комбайне. Гонтарь тут же снабдил учеников чертежами своего нового приспособления. Во-вторых, солома мгновенно убирается. Все это облегчает труд колхозника, ускоряет уборку. И, наконец, самое интересное заключалось в том, что вслед за комбайном шел мощный трактор «С-80» и сразу же вспахивал землю.

— Такого еще не бывало, — изумился один из гостей, — уборка и пахота производятся почти в одно и то же время.

— Не бывало, — улыбнулся хозяин, — а у нас вот есть.

...Осенью нынешнего года Дмитрий Иванович вновь оказался в Москве, на этот раз делегатом XIX съезда партии. Комбайнер сидел в Большом зале Кремлевского дворца, когда с трибуны съезда в числе передовых механизаторов сельского хозяйства было названо и его имя. Этой славы он достиг у штурвала комбайна, убирая хлеб для родной страны.

З. ХИРЕН

Молодость учителя

Зинаида Васильевна Северова преподает в девятых и десятых классах 171-й ленинградской школы математику — предмет, который излагается скупым, точным языком формул и теорем. Трудно, пожалуй, математике тягаться увлекательностью с литературой, географией, историей... Но, оказывается, и математика может увлечь не только тех, кто склонен к ней, а весь класс целиком.

Вот идет речь о какой-то сложной алгебраической формуле, и школьницы узнают, что она, эта формула, в одинаковой степени нужна кораблестроителю, архитектору, инженеру-расчетчику и... хирургу, который, совершая, скажем, пластическую операцию на лице, пользуется не только обычным медицинским инструментарием, но и логарифмической линейкой. И уже весь класс с жадностью слушает рассказ об этом, особенно девочки, собирающиеся стать врачами...

Учительница рассказывает о Софье Ковалевской, и это так увлекательно, что всем классом решают провести вечер, посвященный замечательному ученому.

Зинаида Васильевна собирает экскурсию на завод имени Сталина, и ведет эту экскурсию по цехам ее сын, Марк Александрович Северов, начальник производства завода. Школьницы слушают беседу инженера о том, как в результате сложных математических расчетов рождаются проекты машин. Они видят одну из таких машин — гигантскую паровую турбину в 150 тысяч киловатт мощностью — на испытательном стенде. А потом девочки наблюдают за тем, как рабочий-разметчик Алексей Дмитриев решает на стальных деталях те же самые, собственно, задачи, что им, школьницам, приходится решать в классе... Они побывали на заводе, а были в мире математики!

Преподавательский стаж заслуженной учительницы школы РСФСР Зинаиды Васильевны Северовой — коммунистки, делегатки XIX съезда партии — перевалил уже за сорок лет. Но она все так же молода, как была в тот день, когда начинала свой первый урок. В 65 лет она закончила университет марксизма-ленинизма и говорит, что после этого ей стало легче преподавать математику. Недавно она прочитала молодым своим коллегам доклад «Коммунистическое воспитание на уроках математики», полный свежих, ярких, острых мыслей. Зинаида Васильевна постоянно консультирует тех же молодых математиков по истории партии. Минувшей весной, выполняя депутатские обязанности, в распутицу она объездила на мотоцикле весь Красносельский район Ленинградской области, чтобы проверить, как строятся и ремонтируются школы...

Такова уж, наверно, профессия советского учителя, что не дает ему права стареть.

А. МАРКОВ

З. В. Северова со своими ученицами.
Фото И. Фетисова

Мастерица урожаев

Евгения Долинюк выступает на собрании в румынском селе.

Поля прикарпатского колхоза имени Сталина на Тернопольщине.

Приезжие колхозники не находили слов, чтобы выразить свое восхищение:

— Хіба там кукурудза? Ну й висока, мов ліс.

— У такій кукурудзі, Євгеніє Олексіївно, можна й заблудитись...

Звеньевая Евгения Долинюк молча улыбалась. Она привыкла к потоку людей на ее участке. Самые высокие дядьки пробовали доставать руками султаны, которыми увенчаны цветущие стебли, и не могли.

Евгения Долинюк, уже немолодая крестьянка из села Борышкивцы, считает себя ученицей знаменитого мастера высоких урожаев Марка Озерного. Лет шесть назад впервые увидела она кочан-початок кукурузы, выращиваемой Озерным, и едва поверила своим глазам. Ведь это добрых 200 центнеров зерна с гектара! Раз в двадцать больше того, что собирают на землях Тернопольщины.

И тогда она, эта тихая, неприметная женщина, явилась на общее собрание и, показав гигантский початок, сказала, густо покраснев от волнения:

— Я возьмусь это сделать!

Евгения Долинюк выдержала тяжелую борьбу с предрассудками, которые веками насаждали на Карпатах католические попы и австрийские, венгерские, польские магнаты. Теперь смешно и вспомнить, но факт... Вначале борышкивские крестьяне боялись даже минеральных удобрений. Когда в молодой колхоз завезли калийную соль, богобоязненные старички из самых лучших побуждений ночью, тайком унесли в лес мешки с удобрениями. «Грешно землю портить», — оправдывались они.

Долинюк придумала оригинальное наказание для «похитителей». Добилась решения колхоза — назначить их на работу в ее звено. Пусть своими глазами увидят, какое магическое действие оказывают минеральные удобрения на растения, своими руками прощупают и соберут советский урожай. Теперь эти старики — самые верные ее единомышленники. А успехи звеньевой просто удивительны.

Скажем коротко: в 1950 году она собрала на своем участке по 87,3 центнера кукурузы с гектара. Советское правительство присвоило ей звание Героя Социалистического Труда. Следующим летом Евгения Алексеевна добилась еще лучших результатов: с 14 гектаров она взяла по 150 центнеров, а с рекордно-опытного гектара — 221 центнер. Мало того! В междурядьях, среди всходов кукурузы, Долинюк посадила в шахматном порядке еще и кормовую тыкву.

Нынешний год вновь подтвердил огромное значение опытов талантливого самородка-новатора. С экспериментального гектара она сняла 225 центнеров кукурузы и 120 центнеров тыквы.

В Тернопольской области 500 колхозных звеньев применяют смешанные посевы по методу Долинюк.

Дела Евгении Алексеевны поистине удивительны. Но еще большее удивление вызывает она сама, эта крестьянка, которая еще совсем недавно не знала ничего, кроме нищеты. Теперь она просвещенный колхозный деятель, с мнением которого считаются крупнейшие ученые сельского хозяйства.

С. ХМЕЛЬКОВ

Индийская делегация преподносит подарки представителям героического народа Кореи.

Делегаты Вьетнама встретились на Конгрессе с членом делегации французской молодежи.

ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ

Глава корейской делегации Хан Сер Я приветствует американца Луиса У. Уитона.

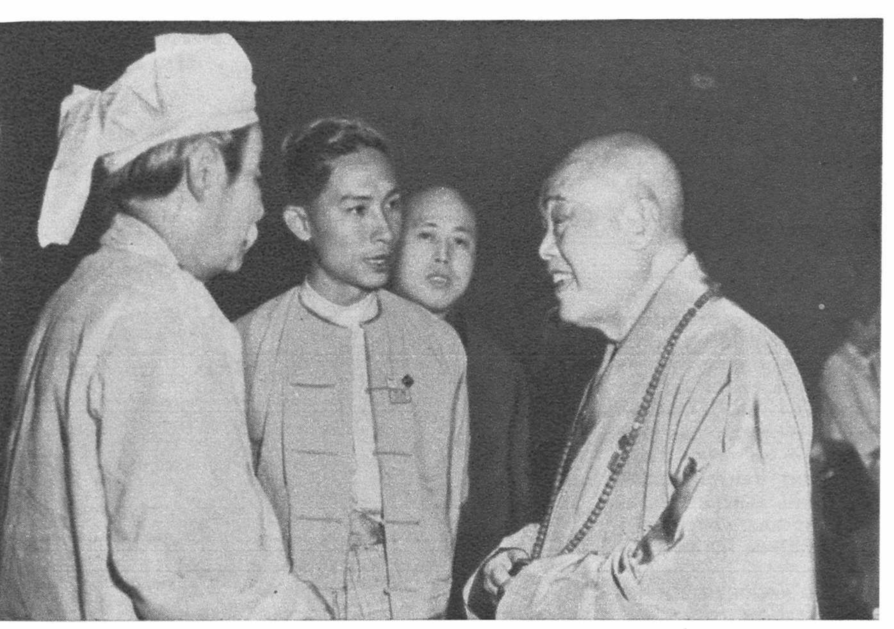
Передо мной шесть фото, запечатлевших дружеские встречи в дни Конгресса сторонников мира стран Азии и Тихого океана. Да, так было. Никогда не забыть той атмосферы дружбы и сердечности, которая сопутствовала работе Конгресса. Как рассказать мне о волнении, которое охватило нас, когда представители американских и других стран от всего сердца приветствовали делегатов героической Кореи! Это был огромной силы дружеский порыв.

Дружба и доверие, которые помогли нам единодушно принять решения Конгресса, помогают сегодня миллионам людей бороться за сохранение и укрепление мира.

ДЖОН БОЙД,
делегат пекинского Конгресса от Канады

Вьетнамская делегация преподносит Конгрессу знамя.

Председатель Бирманского Комитета защиты мира Такин Кодау Хмаинг (слева) беседует с членом китайской делегации, видным религиозным деятелем Юань Ин.

Делегаты Конгресса приветствуют Монику Фелтон, лауреата Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

ЛЕТОПИСЬ СЕЛА БРАЖНОЕ

За околицей Бражного начинается тайга.

Е. РЯБЧИКОВ

Фото А. ГОСТЕВА

Специальные корреспонденты «Огонька»

Круг над тайгой

Штурман просматривал карту, отсчитывая пройденные тысячи километров от Москвы по пути к Тихому океану. Радист настраивал самолетную станцию на передатчики Омска и Новосибирска, Красноярска и Иркутска. За стабилизатором в туманных далях уже остались Ока, Волга, Кама, Иртыш, Обь. В сиреневой дымке исчезал стиснутый горами свинцово-темный Енисей.

Пилот Дмитрий Васильевич Савинченко почувствовал волнение, знакомое людям, приближающимся к родному месту. Он все чаще поглядывал на землю. Окрашенные золотом осени, скрывались в низких тучах сопки. Дремотная чащоба, подпаленная заморозками, еще не обронила свою багряную листву. Словно вспарывая ее, к небу вздымались, как бивни мамонтов, голые утесы, мокрые от дождей.

Тайга, как и океан, бескрайна. Бывает она спокойной, тихой, когда в сонном молчании, не шелохнувшись, стоят ее черные кедры, пожелтевшие лиственницы, обомшелые пихты. Залитая осенним солнцем, таежная даль кажется тогда морской: на увалах и сопках, прямо перед вами, лежат иссиня-темные широкие хвойные полосы, а за ними — пепельно-серые и голубоватые просторы, а еще дальше — уже на слившихся склонах сопок, в расселинах и распадках — струится жидкое серебро примороженного осеннего утра. А совсем далеко тает дымчатая холодная бесконечность...

Ледяные ветры нагнали из Арктики тучи. Косыми струями полил дождь. Грозно оживала тайга. Даль исчезла.

Дмитрий Васильевич смотрел из окна самолета на землю, ожидая минуты, когда откроется родное, близкое. Вид тайги вызывал воспоминания и размышления. По Сибирскому тракту через таежную глухомань проезжал на своем возке А. П. Чехов, держа путь на Сахалин. Антон Павлович писал тогда: «Скоро после Енисея начинается знаменитая тайга... Сила и очарование тайги не в деревьях-гигантах и не в гробовой тишине, а в том, что разве одни только перелетные птицы знают, где она кончается... Пока нет густого населения, сильна и непобедима тайга, и фраза: «человек есть царь природы» нигде не звучит так робко и фальшиво, как здесь».

И вот те же енисейские дебри, те же сопки и скалы, те же дробящиеся на каменных порогах таежные ручьи и реки. Но остановитесь теперь в тайге и прислушайтесь: гудит воздух, рокочет небо — это летят самолеты. А на земле, отсекая пар, оставляя за собой потоки дыма, мчатся скорые поезда по стальной транссибирской магистрали. И когда смотрит командир воздушного корабля на тайгу с высоты птичьего полета, то видит тянущиеся от горизонта к горизонту просеки, вышки геодезистов, отвоеванные у «сибирских джунглей» квадраты полей и лугов, плотины колхозных электростанций.

— Бражное!.. — Савинченко улыбнулся и показал вниз.— Наш колхоз... Там, на горке, наша Больше-Уринская эмтээс... Школа... Вон клуб... Глядите: новые фермы строят! Ай, молодец, Никита Николаевич! Хозяин.

Братья

— Не ищите наше Бражное на обычных картах. — Савинченко раскрыл авиационную карту и показал на ней крохотную точку: — Село лишь на самых точных и детальных обозначено. До Москвы и до Владивостока отсюда почти одинаковое расстояние: без малого по пять тысяч километров. Вокруг тайга, сопки. Родился я тут и помню старое Бражное: глухой, медвежий угол... Нищета... Только кулаки и жили в достатке. А потом советская власть изменила и наше село. Мы тут коммуну создавали — она стала колхозом «Заветы Ильича». Я был первым трактористом в Бражном; все село вышло тогда посмотреть на трактор... Брат мой, Наум Васильевич Савинченко, был первым председателем сельского совета.

— А где он теперь?

— После гражданской войны в Сибири — брат мой был тогда красным партизаном, орден получил — создавал Совет в Бражном, а

В Бражном готовятся отпраздновать золотую свадьбу Винокуровых. На снимке: Герои Социалистического Труда Степан Маркович и Ксения Васильевна Винокуровы.

потом учился. Сейчас он кандидат исторических наук, преподает марксизм-ленинизм в Московском государственном университете. Теперь от Калининграда до Чукотки встретишь бражненцев,— продолжал Савинченко.— Кроме меня, летчиками стали Соловьев, Прирезов, Шевченко, Кушнарев; есть бражненцы — врачи, геологи, капитаны дальнего плавания, инженеры. Как-то подсчитали: сто пятьдесят моих односельчан получили высшее образование, сто двадцать человек награждены орденами и медалями, а восемнадцать — удостоены звания Героя Социалистического Труда.

Савинченко вспомнил: почти тридцать лет назад первые комсомольцы Бражного пытались создать историю своего села.

Сохранились ли записи? Продолжают ли вести историю Бражного?

Заветная тетрадь

«От Канского (острога) до Удинска все мужики бедны, живут худо, промыслов мало, и хлеб родится худо...» — этими словами великого русского писателя-революционера А. Н. Радищева открывается своеобразная летопись Бражного.

Директор Бражненской средней школы преподаватель истории Александр Николаевич Попов вместе с юными историками создает летопись далекого сибирского села. Рассказы дедов и прадедов, археологические раскопки, архивные материалы позволяют узнать далекое прошлое Бражного. Летопись пополняется записями о сегодняшних днях родной деревни. Книга эта бережно хранится в школе.

Около двух столетий стоит над быстрым Каном Бражное. Рядом с ним, под Канском, проходил кровью политый, всеми проклятый сибирский каторжный тракт — Владимирка... Звенели кандалы, сверкали штыки конвоиров.

По той же скорбной дороге ехали в Сибирь переселенцы. Ехали они из Смоленской, Вятской, Рязанской, Воронежской губерний, ехали подальше от помещиков и кулаков, надеясь найти за Уральским хребтом счастье а находили то же горе, ту же нищету и кабалу.

«Вся моя семья и жена Ксения Васильевна,— записал для сельских историков старожил Бражного Степан Маркович Винокуров, — жила в Новоосиновке, Острогожского уезда, Воронежской губернии. Батрачили, не вылезали из нужды. Я был у помещика Соболя пастухом, пахарем и кучером, а Ксения Васильевна ухаживала за барином — паралитиком и самодуром. В 1905 году барин «сдал» меня «за вольнодумство» в солдаты, а в 1908 году отец мой Марк Васильевич, мать Акулина Ефимовна и жена Ксения, не выдержав нужды и надругательств, снялись с места и уехали с берегов Дона в Сибирь, на берег Кана — в Бражное. А надо сказать, что сюда еще раньше уехали брат мой Гаврик и дядя. Приехали наши к ним под осень и загоревали: что делать? Зажиточные мужики не брали их в работники: поля уже убрали, дела кончались. С трудом удалось матери устроиться убирать чужие огороды. Отец ходил в извоз на чужих лошадях, а Ксения стирала чужое белье. Когда я вернулся из солдатчины, стал тоже батрачить.

Волосов, Качаевы, Сидоровы, Кореневский, Харитоновский и другие кулаки захватили лучшие земли и пастбища, имели по 150—200 гектаров посевов, по 40—50 лошадей, сотни овец, десятки коров. Они были владыками села, а село то было глухое, темное и до самой революции так и не изменилось. На горке стояла казенная винная лавка, поближе к реке была церковно-приходская школа; все ее помещение — один класс. Была в Бражном «сборня» — длинная изба, сарай с одним окном. В «сборне» собирались мужики, сидели на корточках, курили и говорили о своих делах при свете лучины. «Интеллигенцией» в Бражном были сиделец винной лавки, поп и горемыка-учитель. Ни врача, ни зоотехника, ни библиотекаря... К вечеру на селе становилось темно, хоть глаз выколи — берегли даже лучину».

Когда началась первая империалистическая война, рядового запаса Степана Винокурова отправили на фронт. Вернулся он в Бражное во время революции — красная лента на папахе, кавалерийский карабин за плечом, а в глазах счастье. Поднялись хлеборобы, слушали они солдат, говорили о новой жизни. В селе образовалось два лагеря — за Степаном Винокуровым, Дмитрием Мокрецовым, Наумом Савинченко пошли беднота и многие середняки, а кулаки стали объединяться в шайки. Пришла долгожданная пора, и бедняки приступили к разделу кулацких земель.

«Поехал я с братьями в середине лета на сенокос в луга Харитоновского, — рассказал в летописи С. М. Винокуров. — К полудню прискакал на неоседланной лошади черный, как цыган, Харитоновский, с ним — сын и два работника, все вооружены дрекольем.

— Кто тебе разрешил касаться моих покосов? — Харитоновский стал наезжать на меня конем. — Был батраком и будешь батраком. Я на тебя сейчас управу найду. Кто позволил?..

— Советская власть позволила! — сказал я ему. — Или ты этого не знал?

Кулак ударил меня. К нам на помощь поспешили мужики и победили кулацкую шайку».

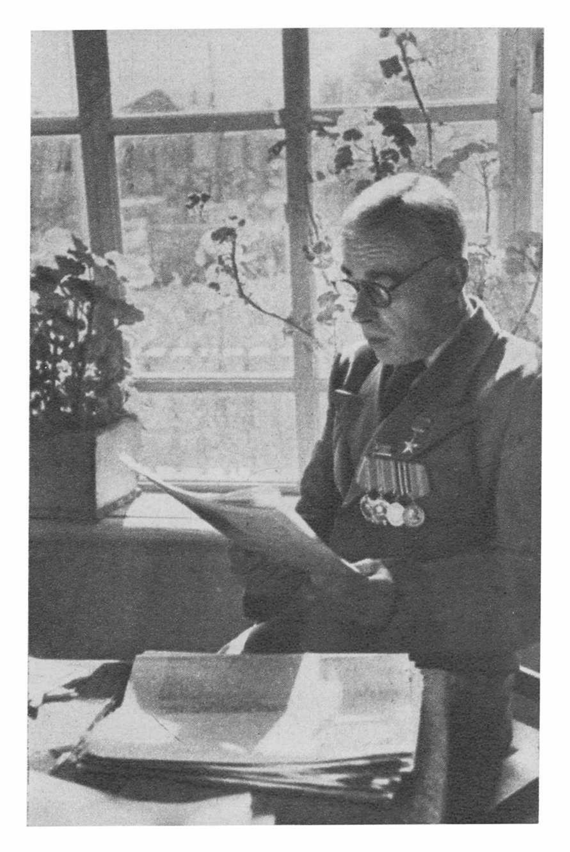
Так началось. Коммунисты села помогли организовать борьбу с кулаками, создали комитет бедноты. В него вошли Степан Винокуров, Наум Савинченко и другие батраки. Комбед передал беднякам часть кулацкой земли, дал безлошадным и бескоровным сельчанам скот. Бражненские кулаки стреляли в сельских активистов из обрезов, поджигали их избы, прятали хлеб. А тут Сибирь, как и всю страну, охватило пламя гражданской войны; колчаков-

Директор Бражненской средней школы А. Н. Попов с юными историками Юрием Тереховым, Таней Поповой и Александром Захарченко готовят летописный материал для школьной стенной газеты.

Наум Васильевич Савинченко, первый председатель Бражненского сельского совета (слева) с братом Дмитрием, первым трактористом и секретарем комсомольской организации в Бражном. Внизу: около дворца науки в Москве собрались бражненцы (слева направо) кандидат исторических наук Н. Савинченко, студентка МГУ Т. Савинченко, аспирантка МГУ Н. Савинченко, летчик-миллионер Д. Савинченко и студент МГУ В. Савинченко.

Председатель колхоза «Заветы Ильича» депутат Верховного Совета РСФСР Герой Социалистического Труда Н. Н. Горбач.

ские банды, одетые и вооруженные американскими и английскими интервентами, дошли до Канска и Бражного, и весь путь карателей был покрыт виселицами, пожарищами, могилами.

Ушли в партизаны Наум Савинченко, Дмитрий Мокрецов. Больные тифом Степан Винокуров с женой Ксенией Васильевной чудом спаслись от неминуемой смерти.

Курган над братской могилой замученных красноармейцев, партизан и комбедовцев высится и сейчас над Бражным, напоминая о годах борьбы за советскую власть.

Золотая свадьба

«Создан Бражненский сельский совет, председателем избран красный партизан, награжденный орденом Красного Знамени Наум Васильевич Савинченко...», «В Бражном организована коммуна», «Пришел первый трактор, его провел по селу наш первый тракторист Дмитрий Савинченко», «Построили новую школу», «В Бражном организован колхоз «Заветы Ильича», «Построена Больше-Уринская МТС», «Зажглось электричество» — строка за строкой раскрывают в летописи огромной важности события из жизни далекого сибирского села, говорящие о типичных, характерных для всей нашей жизни явлениях.

И вот она, новь сегодняшнего дня, — шесть улиц Бражного идут параллельно реке. Где была «сборня», выстроен клуб колхоза-миллионера «Заветы Ильича»; над селом гудят электрические и телефонные провода. На столбах укреплены мощные радиорупоры. На увале белеют здания МТС — там грохочут тракторы, искрятся огни электросварки. Словно перекликаясь с ними, вспыхивают огни «горного солнца» в физиотерапевтическом кабинете амбулатории. Новые дома под железными и тесовыми кровлями окружены палисадниками: зашумели сады на «каменной земле».

По улице 1 Мая, раскланиваясь со встречными, идут Винокуровы: Степан Маркович и об руку с ним Ксения Васильевна. Пятьдесят лет прожили они вместе, вырастили большую семью — детей и внуков. Поблескивают в лучах осеннего солнца золотые звезды Героев Социалистического Труда. Прославленными на всю страну хлеборобами стали муж и жена. Недавно Степана Марковича избрали членом Красноярского краевого комитета партии.

Идут Винокуровы мимо радиоузла, почты, магазинов, клуба и входят в правление колхоза. Первая комната заполнена тучными снопами. Агроном колхоза Герой Социалистического Труда Ирена Ольгердовна Попова проверяет каждый колос — она готовит экспонаты на сельскохозяйственные выставки в районе и в крае. Винокуровы сразу нашли «свои» снопы, осмотрели их, поговорили с агрономом, а затем прошли в кабинет председателя колхоза.

Никита Николаевич Горбач, депутат Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда, встречая дорогих гостей, вышел из-за стола и усаживается с ними на диван.

— Когда же золотую свадьбу будем справлять? — Горбач весело щурится и смотрит на Винокуровых. — Когда ваш семейный праздник?

— По сроку к Октябрьской выходит, — улыбаясь, отвечает Степан Маркович.— Тогда и отпразднуем золотую свадьбу...

На столе лежит изданная в Москве книга Н. Н. Горбача «Культура земледелия в колхозе «Заветы Ильича». Перелистываем страницы. «Наши урожаи, — пишет сибиряк, — растут потому, что мы сочетаем передовые достижения сельскохозяйственной науки с практикой...»

Высоки урожаи в сибирском колхозе. Увеличивается тут и поголовье скота, плодоносят сады, растут удои молока, но приезжего особенно удивляет массовая механизация сложных и трудоемких процессов. Электрические моторы работают на колхозной мельнице и зерносушилке, электричество стрижет овец, а скоро будет доить коров, электричество пилит лес, строгает, сваривает металл...

...Когда мысленно охватываешь историю простого сибирского села, то прежде всего думаешь о тех, кто является ведущей силой в Бражном, кто идет впереди и увлекает за собой всех колхозников, — о коммунистах. Мокрецов и Горбач, Винокуров и Федоров, Бурдило и Огородников — крепкая, инициативная партийная организация в Бражном, неустанно помогающая росту людей, смело критикующая недостатки, внедряющая все новое.

Точка на карте

Алексей Петрович Бажков, председатель сельсовета, — ровесник Октября. Этот молодой, крепкий и сильный человек с волевым лицом прожил уже большую жизнь. Девять правительственных наград отмечают его ратные подвиги. Он освобождал Прагу и Порт-Артур. Танкист-сибиряк вернулся в Бражное и с неутомимой энергией принялся за работу.

Электричество и радио в каждом доме; в библиотеках около десяти тысяч книг; сады и палисадники на улицах; пятьдесят тысяч почтовых отправлений за год; куплено сельчанами за год различных товаров более чем на четыре миллиона рублей — вот цифры, показывающие, как много сделано в Бражном.

Мы идем с Алексеем Петровичем по улице. Сквозь холодные осенние тучи проглянуло солнце. Сверкают окна, вдали серебрится Кан. За оградой желтеет листва сада. За садом школа. Юннаты работают под яблонями. Бажков смотрит на детвору и говорит:

— Раньше здесь было владение кулака. Теперь школа: двадцать шесть учителей, пятьсот учащихся. Все, кто окончил в этом году школу, поступили в институты.

Заходим в школу. Директор Александр Николаевич Попов показывает нам летопись села Бражного и замечает:

— Скоро в истории нашего села появится новая запись. Все будут иметь среднее образование!

Крепко связано Бражное со всей страной. И, в сущности, совсем недалеко отсюда до Москвы! Вот наша Тамара Савинченко окончила школу, теперь она в Московском университете, будет геологом. В Москве девять бражненцев: работают, учатся и учат...

* * *

В Московском государственном университете окончились лекции. Савинченко поспешил к выходу: вечером ему нужно выступать в Доме ученых.

— Наум Васильевич! — Савинченко по голосу узнал Тамару. — Из Бражного пишут, что Степан Маркович с Ксенией Васильевной к Октябрьским праздникам золотую свадьбу справлять будут. Как бы собраться всем бражненцам и приветствие послать?

— Мы с Дмитрием уже приготовили такое приветствие, — и Савинченко, достав из кармана исписанные листки, протянул их Тамаре.

— Дмитрий полетит на восток, опустит в Красноярске наше письмо, да еще приветственный круг над селом, может быть, сделает.

Они шли по коридорам университета и говорили о далеком сибирском селе, о близких людях из колхоза «Заветы Ильича».

Группа Героев Социалистического Труда села Бражное (слева направо): М. С. Козлов, К. В. Винокурова, А. Е. Павлов, Д. Н. Качаев, И. В. Федоров, Н. Н. Горбач, К. П. Лосев, С. М. Винокуров, В. И. Коровин, И. О. Попова, С. Г. Винокуров, В. М. Манылов, Т. В. Зоркин.

В. И. ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ.

Картина **А. М. Герасимова.**

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН.

Художник **И. И. Бродский.**

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

4 ноября (22 октября) 1917 года стало днем генерального смотра готовности петроградского пролетариата к борьбе под большевистским знаменем. В воинских частях, на фабриках и заводах проводились массовые митинги. Повсюду собирались тысячи людей, выступления большевиков вызывали бурю аплодисментов. Зал Народного дома был переполнен. Солдаты висели на балках у самого потолка. Неописуемый энтузиазм вызвало заявление делегата Балтийского флота о том, что матросы скорее погибнут, чем допустят продолжение соглашательской политики. По призыву ораторов-большевиков весь зал поклялся по первому зову Петроградского Совета ринуться в последнюю схватку с правительством буржуазии.

Утром 5 ноября Военно-революционный комитет довел до всеобщего сведения, что им назначены комиссары во все воинские части гарнизона, предупредив, что «комиссары как представители Совета неприкосновенны». В тот же день закончилась конференция петроградских красногвардейцев, принявшая большевистскую резолюцию по текущему моменту.

6 ноября. Каждый час этого дня, ставшего кануном величайшего в истории человечества переворота, был наполнен такими событиями, которые и сейчас, много лет спустя, трудно охватить мысленным взором.

Контрреволюция неистовствовала. Керенский издал приказ о закрытии центрального партийного органа «Рабочий путь» и послал броневики к помещению редакции и типографии. Но приказы Керенского уже потеряли силу. По указанию товарища Сталина красногвардейцы и революционные солдаты оттеснили броневики и сами установили охрану у типографии и редакции. Очередной номер «Рабочего пути» вышел!

«Что нам нужно?» — так называлась передовая этой газеты от 6 ноября, написанная товарищем Сталиным. Каждой строкой, каждой фразой статья призывала к свержению Временного правительства, к созданию рабоче-крестьянской власти.

Товарищ Сталин клеймил правительство, в котором сидели враги народа, ставленники капиталистов, помещиков, спекулянтов, агенты англо-французских банкиров.

«Нужно нынешнее правительство помещиков и капиталистов, — писал товарищ Сталин,— заменить новым правительством рабочих и крестьян.

Нужно нынешнее самозванное правительство, народом не избранное и перед народом не ответственное, заменить правительством, народом признанным, избранным представителями рабочих, солдат и крестьян и ответственным перед этими представителями...

Власть должна перейти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

В тот же день Владимир Ильич послал письмо членам ЦК, заканчивавшееся словами: «Промедление в выступлении смерти подобно».

«Нельзя ждать!! Можно потерять все!! — писал Ленин. — История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все».

Восстание началось!

6 ноября ночью в Смольный прибыл Ленин. Великие гении революции Ленин и Сталин возглавили Октябрьское восстание.

Петроградские рабочие показали в эти дни, что они прошли под руководством большевистской партии хорошую школу. Революционные части войск точно выполняли боевые приказы. Морской флот не отстал от армии.

Вооруженное восстание победило!

В 10 часов утра на следующий день Военно-революционный комитет при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов обратился с историческим воззванием к гражданам России. «Временное правительство низложено», — так начиналось это воззвание. Кончалось оно словами: «Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!».

7 ноября вечером в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов.

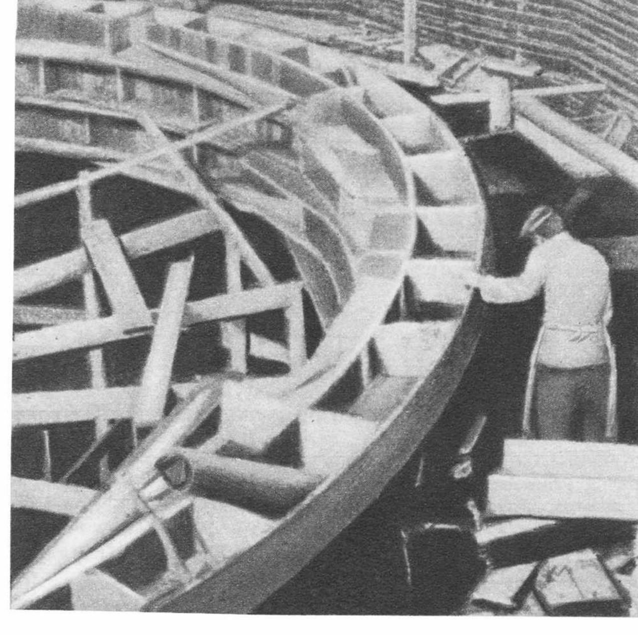
Поздно ночью на съезде было объявлено, что взят Зимний дворец, пала последняя твердыня контрреволюции. Одно за другим заслушивал съезд сообщения о победах Великой пролетарской революции, о переходе все новых частей на сторону восставшего народа.

Съезд Советов принимает написанное Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам». В нем говорится:

«Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, Съезд берет власть в свои руки».

Ныне, 35 лет спустя, вновь и вновь с благоговением перебираем мы в памяти незабываемые события тех дней, когда Ленин и Сталин возвестили начало новой эры — эры социализма.

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТРАНИЦЫ ЖУРНАЛА

Сегодня, читатель, мы перелистаем с тобой страницы «Огонька» за минувшие годы.

Вчитываясь в строки очерков и заметок, вглядываясь в снимки, мы как бы побываем у истоков многих славных дел, которые творит в наши дни советский народ...

«Первый»... Это слово чаще всего будет встречаться нам в пути по старым журнальным страницам.

Первый бетон в плотину Волховстроя... Первые разведчики в Хибинах... Первый чугун Кузнецка... Первый ток с Днепра... Первый эшелон с углем из Караганды...

И так же, как, рассматривая давно снятую фотографию ребенка, с интересом угадываешь в нем черты знакомого тебе взрослого человека, с волнением разглядываешь фотографию, напечатанную в журнале двадцать один год назад. На снимке «младенец», запеленутый... в опалубку, будущая магнитогорская домна «Комсомолка». Первенец!

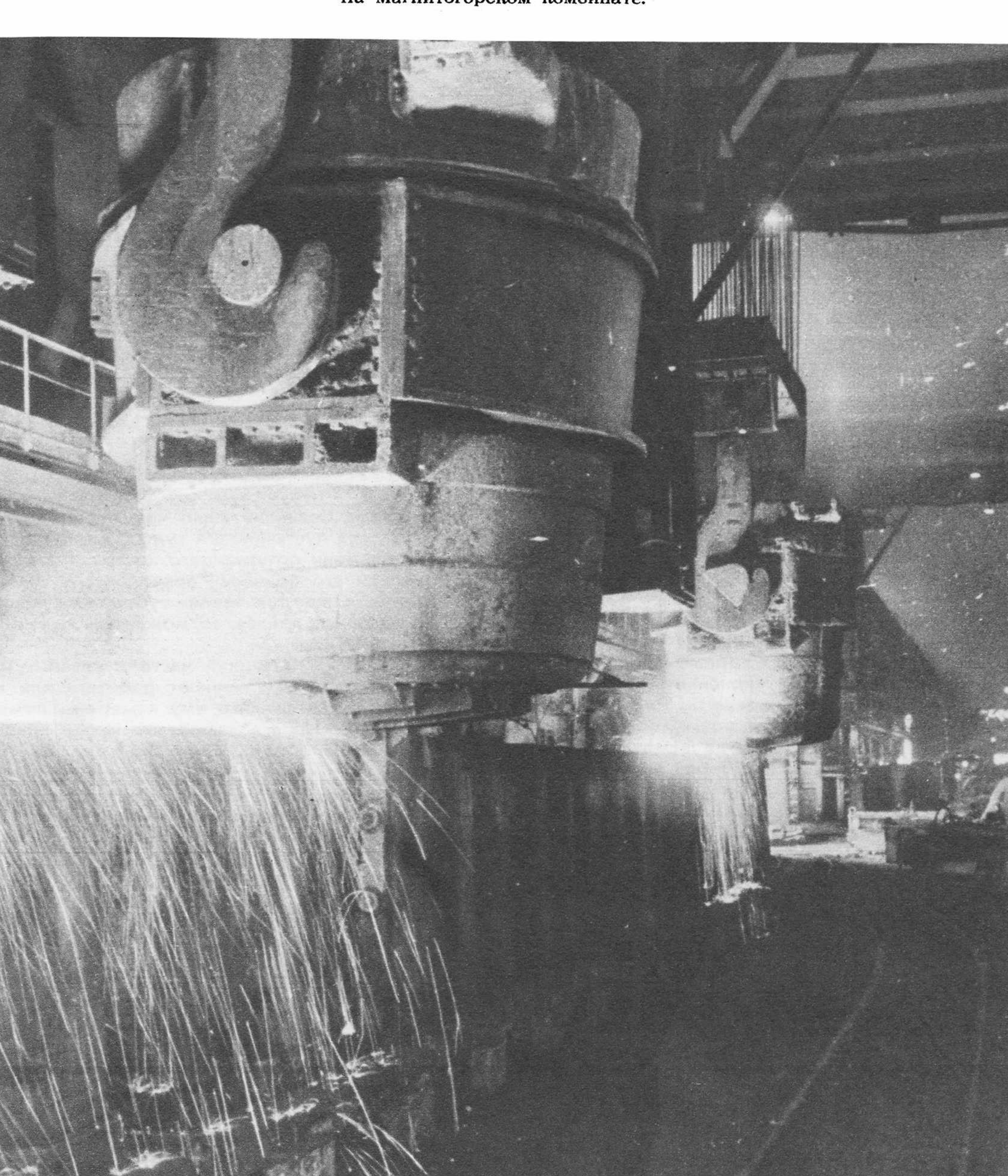
Среди строителей домны был Михаил Евец, землекоп, а потом бетонщик. Тот самый Михаил Юрьевич Евец, который в сентябрьские дни 1952 года, управляя мощным экскаватором «Уралец», первым достиг проектной отметки в котловане Куйбышевской гидростанции.

Был среди строителей и Мухамед Зинуров. Он работал тогда бетонщиком в знаменитой бригаде Хабибулы Галиулина, установившей мировой рекорд по укладке бетона. Ныне Зинуров — сталевар, мастер мартеновской печи, лауреат Сталинской премии. Он работает все на той же сталинской Магнитке, как все советские люди любовно называют Магнитогорский металлургический комбинат имени Сталина.

Этот комбинат — родина советской прогрессивной школы сталеварения. И это школа в буквальном смысле слова, потому что здесь все учатся, все сидят за партой, за учебным столом. Достаточно сказать, что подавляющее большинство сталеваров, газовщиков, вальцовщиков и рабочих других ведущих профессий закончило на комбинате не менее семи классов... Таков советский рабочий!

Из доклада товарища Маленкова на XIX съезде партии мы узнали, что за последние три года прирост выплавки чугуна составил в стране 8 миллионов тонн, выплавки стали — 13 миллионов тонн и производства проката — 10 миллионов тонн. Невиданные, небывалые темпы! Так шагают наши металлурги. И в первом их ряду люди славной сталинской Магнитки.

На Магнитогорском комбинате.

ЗВЕЗДЫ НАД ПУСТЫНЕЙ

М. ЗЕМСКАЯ

Тот, кто впервые попадает в пустыню, испытывает странное ощущение. Земля! Да разве это земля? Она же не цветет и не плодоносит, губит и убивает все живое. Разве похожа она на землю, которую люди извечно называли матерью?!

Когда подымается вихрь, вся пустыня встает на дыбы, и не знаешь, где небо, где земля и есть ли они где-нибудь? Но не страх и не чувство одиночества рождает пустыня в сердце советского человека. Как бы ни был он потрясен грандиозным зрелищем буйства стихий, в нем рождается сострадание к страждущей земле и желание придти ей на помощь.

* * *

С непривычки в пустыне все кажется необыкновенным. Но когда наступает ночь — а здесь она всегда наступает неожиданно, — происходит самое большое из чудес. Выясняется, что пустыни, этой страшной первобытной стихийной силы, не существует. Зато имеются «сферы действия» различных экспедиций и их отрядов. В какую бы глубь песков вы ни попали, с наступлением темноты вы становитесь свидетелем необычайно великолепного зрелища. Вся пустыня светится! Зажигаются на крепостных валах и барханных гребнях сигнальные огни, горят очаги походных кухонь или просто костры, около которых можно посидеть, поговорить, повспоминать друзей, домашних. Идут сквозь пустыню машины, светится в небе ночной самолет.

Среди многочисленных экспедиций, работающих в районе будущего Туркменского канала, Хорезмская археологическая экспедиция славится своей дружбой и спаянностью.

Быть ученым и простым, чутким, самым обыкновенным человеком — это, повидимому, и значит стать сердцем крупной научной организации, состоящей из людей самых разнообразных характеров и темпераментов. У Сергея Павловича Толстова все получается как-то легко и тоже «само собою».

В жизни археологов, особенно молодых, бывают грустные минуты, когда они никак не могут объяснить, что же, в сущности, перед ними находится. Время так перемешивает следы нескольких культурных эпох, что мысль беспомощно останавливается перед кажущейся «путаницей», будучи не в состоянии связать массу противоречивых явлений и наблюдений в одну стройную, последовательную систему. Тогда появляется Сергей Павлович, оглядывает раскоп, смотрит на отчаявшегося археолога и произносит магическое слово: «Интересно!»

Это несколько успокаивает сотрудника, и он с новой энергией продолжает работать. Но не всегда ему удается справиться с задачей. Бывает, что никакой «консилиум» товарищей не в состоянии ее разрешить. Тогда Сергей Павлович отстегивает от пояса свой археологический нож, опускается на землю и приступает к исследованию сам. Через некоторое время, расхаживая по раскопу взад и вперед, он рассказывает... По признакам, только ему ведомым, он воссоздает живую картину навсегда ушедшей жизни народов.

— А если это не так, — заключает он, — то ваше право и обязанность доказать мне, что это не так.

Обычно бывает именно так, как предполагает Сергей Павлович.

К новичкам он относится снисходительно и юмористически. Даже к их ошибкам. Наблюдая, как кто-то из «новеньких» пытается тяжелым ломом очистить хрупкую, тысячелетней давности стенку раскопанной комнаты, Сергей Павлович поднимает брови и, медленно растягивая слова, спрашивает:

— Стенку нашли? Хорошо. А каким это методом вы работаете? Новаторским? А вот один новатор предложил в свое время в археологический раскоп закладывать динамит и взрывать. И что бы вы думали? — Сергей Павлович изумленно разводит руками. — Не приняли! Почему не приняли? Не знаю! Но только не приняли.

Экспедиция прибыла на новое место. В центре — С. П. Толстов.
Фото Ю. Аргиропуло

И под общий хохот Сергей Павлович отходит к следующему раскопу.

* * *

Игорь Савицкий мало чем напоминает «покорителя пустыни». Он худощав и сутул. «Языки пламени потухающего костра» — так определили его прическу археологи. А голос его тонок даже для такой субтильной фигурки. Когда он сердится, то может наговорить много злых слов.

Сердится Савицкий часто и главным образом, когда ему мешают работать или когда он подозревает, что ему намерены помешать работать. Но все знают, что Игорь никогда и никого не обидит. Он может сделать только что-нибудь хорошее или очень хорошее для товарищей.

— Варан, вы настоящий варанчик! Тот тоже шипит, надувается, пугает и воображает себя драконом, — сказали как-то Игорю.

Игорь не возражает:

— Ну, что ж! Зато варан не бежит от врага, и не пугается, и не прячется, а мужественно и благородно встречает опасность лицом к лицу.

В жизни Игоря не было минуты, когда бы он не работал. Если он не стоит, свернув уму непостижимым узлом ноги около своего мольберта, — значит, он ползает по соседним такырам в поисках уникальных находок.

Девушкам, впервые прибывшим на раскоп, друзья Игоря советуют:

— Остерегайтесь нашего художника. Изменит, забудет, бросит на полдороге в пустыне ради завалящей «находочки».

Девушки смеются, потому что еще на выставках в Москве и Ленинграде познакомились с маленькими статуэтками женского божества древнего Хорезма — найденышами Игоря.

Добрая треть подъемного материала — индивидуальных находок, украсивших за последние годы коллекцию Хорезмской экспедиции, — собрана Савицким.

Однажды, когда промокший под дождем Игорь вынимал из мешка и раскладывал перед Сергеем Павловичем свою «добычу», тот подмигнул сотрудникам и воскликнул:

— Э, голубчик, все-таки есть у вас соперник, и вы его не перещеголяете! Знаете кто? Наш караванщик.

— Так вы же сами запретили нам удаляться от лагеря, а он шляется по всей пустыне.

— Запретил! И категорически. Заблудитесь в два счета.

Игорь постарался выразить скорбь и огорчение, втянув шею и согнувшись так, что не только лопатки, но все шейные позвонки проступили сквозь его мокрую одежду. Два дня он не приносил ничего, отбрасывая, очевидно, все находки, как не заслуживающие внимания. На третий день появился, пряча одну руку за спиной. Хотя Сергей Павлович был очень занят: диктовал срочные письма в Москву, — Игорь все-таки вошел в юрту, изо всех сил стараясь сдержать торжествующую улыбку. Однако улыбка вышла такой сияющей и широкой, что оказалось невозможным скрыть ее ни усилиями воли, ни воротником, ни даже рукавом куртки.

— Я иду, а она лежит. Лежит и смотрит. Не на меня — в небо! И я чуть не прошел мимо. Вот!

Срочные письма в Москву были продиктованы двумя часами позже. Замечательное произведение искусства — уникальная скульптурная голова старухи — навсегда возвратилось в общество людей, пролежав до этого сотни лет на такыре под ливнями и песками и глядя каменными глазами в зеленое от зноя небо над пустыней Кзыл-Кумы.

Игорь нежно гладит пальцами морщинистую щеку старухи.

— Вы знаете, — говорит он не то Сергею Павловичу, не то самому себе, — есть произведения искусства, по которым мы можем судить об эпохе, только хорошо зная ее культуру и историю. И тогда работа археолога, искусствоведа нужна, как работа переводчика. Когда я гляжу на эту голову, мне не нужен никакой переводчик. Вот вам реализм во всей его силе! Она разговаривает сама. Я могу рассказать ее биографию. Я могу рассказать о ней столько же, сколько о своей бабушке. Когда здесь, где мы с вами сидим, не было

ни такыров, ни песков, а цвели сливы и колосился ячмень, зрели виноградники, когда здесь жили люди, из которых одни были господами, а другие рабами, художники создавали такую скульптуру! Какими же скульптурами будет украшен наш великий Туркменский канал и вот эта земля, возрожденная к новой жизни!

Игорь помолчал и добавил виновато:

— А вы требуете, чтобы я спал от двенадцати до четырех, чтобы лежал в тени. Но я не хочу работать в такой неудобной позе — лежа. Хотя я не сделаю ничего гениального, отпустите меня на соседнюю крепость. Обещаю, что не высуну носа из-под зонта. И не надо присылать за мной никакого «газика».

* * *

Уже несколько дней не утихает ветер. Он несет с собой тучи песка и пыли из глубины пустыни.

Все лагерные палатки выглядят так, словно у них односторонний флюс. Они и поставлены с таким расчетом, чтобы преобладающее направление ветра приходилось сбоку. Песком засыпает кровати, одежду, пакеты с находками, вещи. Песок примешивается к еде, к чаю, хрустит на отрезанном ломте хлеба, на ложке, поднесенной ко рту. От него никуда не уйти, не скрыться ни в палатке, ни даже в спальном мешке. Раскопщики похожи на трубочистов, и кажется, что их лица скрыты под масками из серой и коричневой замши. Никакие очки с резиновой прокладкой не спасают от пыли. Поминутно приходится их сдвигать и извлекать из уголков глаз целые барханы песка. Разговоры смолкают: никому не хочется жевать песок.

И вдруг из-за тучи песка, из-за мглы, опустившейся на лагерь, доносится песня хора совсем молодых голосов. И, как в сказке, совершается чудо: идут по четыре в ряд сквозь буран по пескам пустыни мальчики и девочки в ярких праздничных одеждах, с букетами цветов; девочки — впереди, мальчики — сзади. А над ними над всеми — песня!

Что это? Мираж?

А «мираж» надвигается неотвратимо и весело. Гости! Школьники из соседних колхозов пришли на экскурсию, посмотреть, кто такие московские археологи и чем они занимаются, что они расскажут о канале.

И буран стихает, точно решил прислушаться: что же будет дальше?

...Гостей размещают, как на трибунах, на высоких барханах. Никогда еще пески не расцветали такими чудесными цветами!

Потому ли, что аспирант института этнографии Джаббаров совсем еще недавно был таким же, как его слушатели, жителем одного из оазисов пустыни; потому ли, что многострадальную историю народов Средней Азии он знал не по книгам, а по горькому опыту своих отцов и дедов, ташаузских ремесленников-сапожников; потому ли, что ощутил в этот момент с особенной остротой, от какого дикого средневекового мрака избавлены советским строем эти ребятишки,— голос его дрогнул от волнения, когда он начал беседу.

Он рассказывает ребятам о решении партии и правительства превратить пустыню в цветущую землю. Ребята понимающе кивают головами. Они пришли из колхозов, наступающих на пустыню, и очень хорошо знают, как борются их отцы за цветущую землю. Они сами помогают им в этой борьбе. Человек, рожденный в пустыне, еще прежде, чем научиться ходить, знает цену и воде и земле.

— Товарищ Сталин думает о каждом из вас. Он думает даже о том, как трудно бегать вам в школу в соседний кишлак по пустыне, особенно, когда поднимается песчаный буран. Каждый из вас должен стать со временем умным и полезным человеком. Когда вы кончите институты и вернетесь домой, ваши младшие братья и сестры выбегут из школы навстречу вам по аллеям акаций, тополей, эвкалиптов.

Хотя Джаббаров говорит на своем родном языке, увлекаясь, он, сам не замечая этого, вставляет в свою речь русские слова «Родина», «дружба народов», должно быть, потому, что эти понятия неотделимы от русских и русского языка.

Ребят уводят на крепость, показывают все до последнего кирпича, дают прикоснуться к самым ценным находкам, раскопанным в крепости и подобранным на такырах. Гости задают сотни вопросов.

Самый маленький из экскурсантов, Джавгаш, волновавшийся больше всех, расхрабрился и под конец спросил:

— Правда, что Толстов был беспризорником?

Получив утвердительный ответ, Джавгаш покачал головой и щелкнул языком:

— О-оо!

* * *

...Ночь. Группа сотрудников расположилась под тентом — кто на кроватях, кто прямо на такыре. В темноте их силуэты сливаются, и трудно различить, сидит ли там Марьяна, кандидат исторических наук, посланник самого дальнего отряда на Узбое, или Ольга Вишневская, начальник Галай-хаи-Абинского отряда.

Вспыхивает папироса, обрывается песня, и чей-то голос говорит тихо и твердо:

— Когда меня спрашивают: «Ну, как там у вас, на канале, тяжело ведь?» — я испытываю чувство досады. Не то! Не о том спрашивают. Интересно! До чего же интересно! Пусть об этом и спрашивают!

Неизвестно, кто произнес эти слова. Это может быть голосом любого из сидящих.

Другая группа сотрудников собралась около юрты Сергея Павловича. Там угощают гостя, старого караванщика-туркмена, который всю свою долгую жизнь провел в странствиях по пустыне и знал о ней столько, сколько никто не знал. Он хотел знать еще больше, и потому весь вечер Сергей Павлович рассказывал ему о будущем пустыни, о том, что будет после того, как ее пересечет трасса Большого Туркменского канала.

Караванщик отставил пиалу и прижал руку к груди в знак благодарности и уважения. Лицо было спокойно и торжественно.

— Покажи мне еще раз, как пойдет по пустыне «великая вода».

Сергей Павлович указал рукой в направлении с северо-востока на юго-запад и заглянул в глаза старику: «Понял ли?» Караванщик молчал. Молчал он долго, глядя в темное небо. Он словно выжидал чего-то.

Наконец караванщик заговорил:

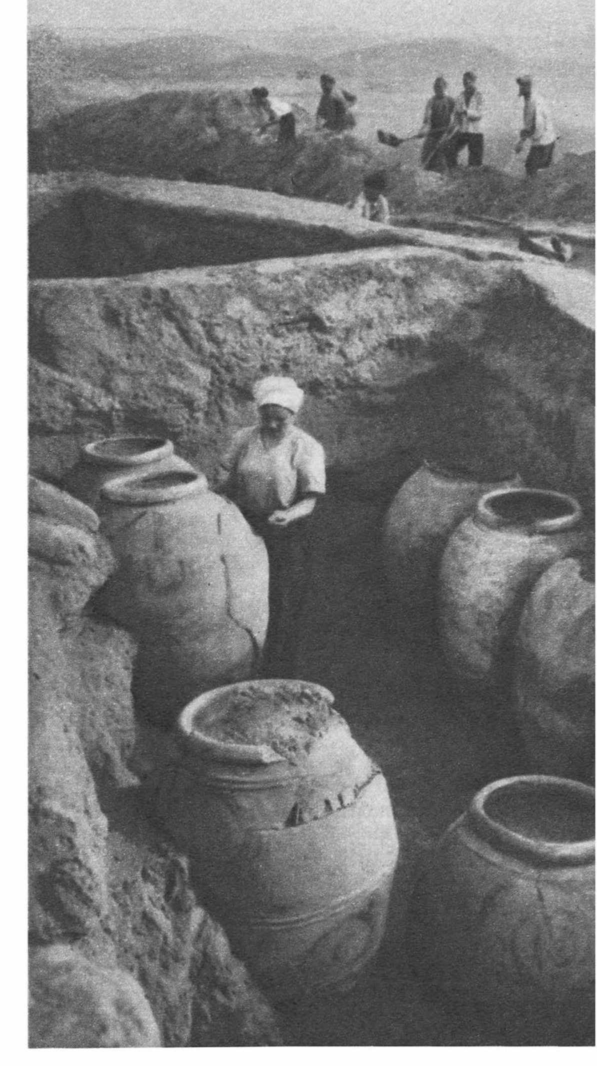
— Позволь, я расскажу тебе нашу древнюю легенду. Народ не виноват в том, что его обманывали хитрые муллы. И пока он не видел справедливости и счастья на земле, не знал, что ему делать и куда идти за счастьем, придумал он сказку о «каабе» — камне, упавшем с неба. По преданию, если человек брался за кольцо «каабы», сбывались все его желания. Со всех концов земли стекались люди к «каабе». Много жителей Востока мечтало об этом паломничестве. Но не каждый мог его совершить.

С «каабой» были связаны для народа все самые заветные помыслы. «Кааба» — ключ к счастью! Путь к ней лежал через пустыню. А ты сам знаешь, как тяжело идти через пустыню, как трудно бывает найти в пустыне дорогу. И людям помогали звезды. Вот эта звезда указывает путь на север, эта — на юг. А эта...

Старик, махнув рукавом халата, сказал:

— Это Млечный Путь, и указывает он дорогу к «каабе». Для того он и высоко так, чтобы всем на земле была видна дорога к счастью. Так нас учили старики, когда мы были детьми. Так мы учили своих детей, когда стали стариками.

Караванщик коснулся плеча Сергея Павловича:

Удачный раскоп.

— Ты хорошенько смотри, правду ли я говорю.

И, не дожидаясь ответа, ушел в темноту к своим верблюдам. Он не сомневался, что Сергей Павлович все поймет.

Уже совсем поздно. Спит лагерь. Спит Игорь Савицкий, и вокруг него вырастают изумительные статуи, которые украсят обновленную землю. А над пустыней ярко сияют звезды.

Художник И. Савицкий не любит терять времени попусту.

ИДЕИ ОКТЯБРЯ ПОБЕЖДАЮТ

Тодор ЖИВКОВ,
секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии

Великая Октябрьская социалистическая революция совершила коренной перелом в развитии общества, открыла новую эру в истории России и всего человечества — эру социализма и коммунизма.

Только что окончившийся XIX съезд партии Ленина — Сталина явился величественной демонстрацией торжества мудрой сталинской политики, могущества Советского государства и его социалистического планового хозяйства, непреклонной воли народов СССР отстоять дело мира во всем мире.

Бессмертные идеи Октября побеждают повсюду на земном шаре. Они озаряют путь миллионам честных людей всех народов и стран в их борьбе за мир, демократию и социализм.

Под знаком великих идей Октябрьской революции, под знаменем Ленина — Сталина болгарский народ, так же как и народы остальных стран народной демократии, успешно строит основы социализма.

Страна быстро меняет свой облик. Из отсталой, аграрной страны Болгария превращается в страну индустриальную, с развитым коллективным земледелием. Непрерывно повышается материальный уровень жизни трудящихся.

Стремительно развивается, перестраиваясь на социалистических началах, болгарская промышленность, ставшая собственностью народа. Возникают и укрепляются совершенно новые отрасли промышленности, которых не знала старая Болгария: машиностроение, электротехническая и химическая промышленность, промышленность стройматериалов, отечественная металлургия.

Более половины всех крестьянских хозяйств Болгарии объединено в производственные кооперативы, а в зернопроизводящих районах кооперирование достигает 80—90 процентов. Болгарское сельское хозяйство развивается и крепнет как крупное механизированное земледельческое хозяйство. В текущем году на полях нашей страны работало более двенадцати тысяч тракторов и свыше тысячи советских комбайнов. Зерновая проблема в Болгарии в основном разрешена.

Успехи в развитии промышленности и сельского хозяйства, увеличение народного дохода почти в два раза по сравнению с 1939 годом — все это дало возможность укрепить государственные резервы и повысить благосостояние трудящихся.

Культурное строительство в Болгарии — неотделимая, органическая часть социалистического строительства. Наши искусство и литература вдохновляются великими идеями Ленина — Сталина и служат делу социалистического переустройства нашей страны.

Труд все больше становится у нас делом чести и гордости, гражданской доблести и патриотического достоинства. Вырастают новые люди, строители социализма—герои социалистического труда, стахановцы, рационализаторы. Растут кадры новой, народной интеллигенции.

Трудящиеся Болгарии добились этих успехов упорным трудом, преодолевая серьезные трудности и препятствия, в ожесточенной классовой борьбе против капиталистических элементов, которые бешено сопротивляются.

В решительной борьбе против врагов народного счастья закалилось единство болгарских трудящихся. Они усилили свою бдительность. Они еще теснее сплотились вокруг Болгарской коммунистической партии.

Болгарский народ заложил экономические и культурные основы социализма в нашей стране. И это стало возможным благодаря дружбе, помощи и защите Советского Союза, благодаря помощи самого любимого друга нашего народа, вождя и учителя всего прогрессивного человечества товарища Сталина.

Глубоко в сердцах болгарских трудящихся горит безграничная любовь и привязанность к СССР, к Коммунистической партии Советского Союза, к товарищу Сталину.

Болгарский народ счастлив и горд тем, что у него есть такой великий и непобедимый союзник, такой верный и бескорыстный друг и защитник, как Советский Союз. Все больше и больше крепнет вечная и нерушимая болгаро-советская дружба.

В лагере империализма царит обстановка военной истерии, гонки вооружений, жестокой эксплуатации трудящихся, фашистского террора и все обостряющихся, неразрешимых противоречий между империалистическими хищниками.

Клика представителей загнивающего и умирающего капитализма задалась безнадежной целью: повернуть назад колесо истории, остановить победное шествие великих идей Октябрьской социалистической революции, сорвать борьбу трудящихся за мир, демократию и социализм.

Напрасные усилия!

Капиталистический строй неудержимо катится навстречу своей гибели. Мы живем в великую сталинскую эпоху — эпоху неминуемого краха капитализма и неизбежной победы коммунизма во всем мире.

Трудящиеся всех стран мира встречают 35-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции новым подъемом сил и решимости в борьбе за лучшее будущее.

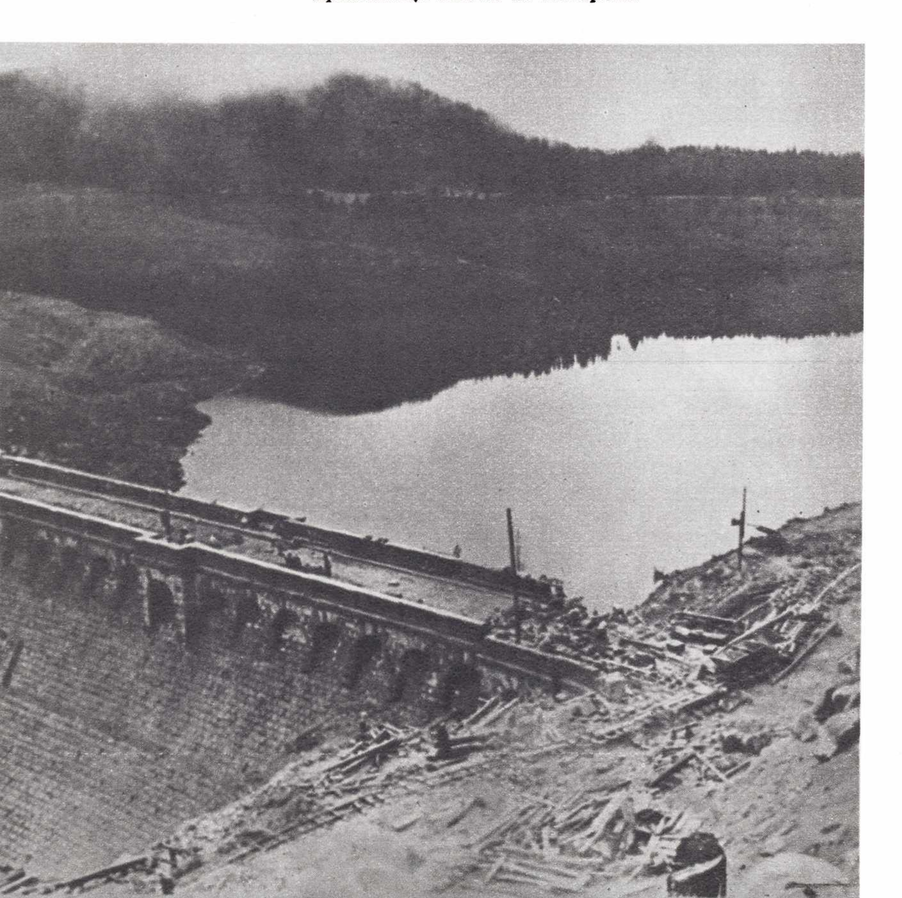
Счастье народов в том, что их борьбой за мир, демократию и социализм руководят испытанные в борьбе против империализма коммунистические и рабочие партии во главе с учителем всех коммунистических партий — Коммунистической партией Советского Союза.

Наша партия, непрестанно учась у Коммунистической партии Советского Союза, у великого Сталина, выросла под руководством Георгия Димитрова в партию нового, ленинско-сталинского типа, вооруженную революционной теорией марксизма-ленинизма.

Сегодня под испытанным руководством товарища Вылко Червенкова наша партия и весь болгарский народ с честью несут непобедимое знамя Ленина и Сталина вперед, к полному торжеству социализма.

Москва, октябрь, 1952 год.

Болгария быстро меняет свой облик. Широко развернулось строительство гидротехнических сооружений. На снимке: строительство водохранилища имени В. Коларова.

ЮНЫЙ СОВЕТСКИЙ ГРАЖДАНИН

Пауль ВЕНГЕЛЬС,
заместитель генерального секретаря Общества Германо-советской дружбы

Прямо с Внуковского аэродрома наша делегация проехала в московскую гостиницу «Советская». Еще полные впечатления от нашего воздушного путешествия, мы стояли в вестибюле гостиницы.

И вот в вестибюль вступил маленький мальчик, лет, должно быть, семи, скромно одетый. Он серьезно и внимательно оглядел столпившихся здесь незнакомых людей, потом с видом человека, входящего в свой дом, направился к лестнице и стал неторопливо подниматься по покрытым мягкой дорожкой ступенькам. Мы следили за ним с интересом и некоторым изумлением. У нас на родине трудящиеся лишь понемногу начинают осваиваться с тем, что они хозяева своих клубов, театров, всего культурного достояния страны...

В Киеве мы побывали в одном из детских домов. По благоустроенности это гостиница «Советская» в миниатюре. Но это — и нечто большее. Здесь для детей есть все — самое доброкачественное, удобное, веселое. Здесь растет поколение жизнерадостных, преисполненных собственного достоинства маленьких советских граждан. И мы поняли, почему так уверенно и непринужденно двигался по вестибюлю «Советской» тот парнишка...

Юный советский гражданин все больше занимал наше воображение. И мы сталкивались с ним повсюду. С ним вместе мы путешествовали по детской железной дороге в Днепропетровске, он и его товарищи сами объясняли нам ее устройство, они же вели паровоз.

Мы встречали юного гражданина Советской страны в музеях, где он приобщался к богатейшим дарам старой и новой культуры своей Родины. Мы видели его в пионерском лагере Харьковского

тракторного завода. Он и сотни его сверстников говорили нам, немцам: «Приезжайте снова». Они, как и родители их, гостеприимно повторяли нам это на Украине, которая была так зверски опустошена нацистскими ордами.

Облик полного жизни, уверенного в своем будущем молодого советского человека встал перед нами и в колхозе «Украинка», где мы долго беседовали с двумя шестнадцатилетними девушками. Средняя школа, которую они посещают, для них — прямой путь в жизнь. Цель их ясна, и достижение ее обеспечено. Одна хочет быть и будет врачом, другая — учительницей...

Мы попытались представить себе, что́ суждено совершить всем этим детям, подросткам, юношам и девушкам. За плечами у них будут великие свершения их родителей, творческие силы и способности которых пробуждены Октябрьской революцией и строительством коммунизма. А ведь деды этих наших юных знакомцев, возможно, не умели даже читать и писать, пахали землю деревянной сохой, и даже скупой урожай не каждый год бывал их гостем!..

Взрослое поколение советских людей недавно завершило строительство Волго-Донского канала имени Ленина. Воздвигнуты величественные высотные дома. Строительство заводов, электростанций, жилищ, дворцов культуры, школ, больниц идет в соответствии с величественным планом, только что утвержденным на историческом съезде партии Ленина — Сталина. Мы видели комбайны на полях Украины. Они убирают богатые урожаи, и урожаи эти будут еще больше. Советские дети, перед которыми техника, наука, культура предстают сегодня в виде занимательных игрушек, завтра превратят в гигантский цветущий сад огромные пустыни, по которым их родители уже ведут уверенной рукой Главный Туркменский канал.

...И вот я снова в гостинице «Советская», перед отъездом в Германию. Мой «багаж» стал много увесистее, чем в тот день, когда я впервые сошел с самолета на московский аэродром. И с какой бодрящей легкостью унесу я с собой на родину этот приобретенный мною «багаж» личного знакомства с Советской страной!

Оптимизм, жизнерадостность, естественное дружелюбие ко всем народам мира, уверенность в своих силах, неисчерпаемая творческая энергия — эти черты советского человека, свойственные ему с ранних детских лет, взволновали, воодушевили и заразили всех нас.

Наша Германская Демократическая Республика самая молодая среди стран, строящих социализм. Сегодня она, если можно так выразиться, подобна только вступившему на жизненный путь ребенку. Но этот ребенок будет расти и вырастет.

В неразрывной дружбе с Советским Союзом мы будем бороться за единство Германии и достигнем этого единства. Мы, немцы, сделаем свой вклад в дело мира во всем мире. Мы построим социализм.

Ваше настоящее, советские друзья, — это наше прекрасное, счастливое будущее.

Берлин.

ОБРАЗ НАСТОЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

Крестьяне села Сэлиште (область Сибиу) покупают книги во время месячника румыно-советской дружбы.

Передо мною письма простых трудящихся румын. Из этих бесхитростных строк проступает то вдохновляющее воздействие, которое оказывает образ советского человека — строителя коммунизма — на жизнь, мечты и чаяния трудящихся Румынии.

«Мне кажется, что Алексей Мересьев всегда рядом со мной», — пишет юноша И. Ханка из района Арад.

Рабочий Крэчун М. Ион из села Байя прочитал книгу Н. Островского «Как закалялась сталь». Он сообщает в издательство «Картя Русэ» («Русская книга»): «Эта книга закалила и меня. Дорогие товарищи, прошу вас посылать мне побольше советских книг, они помогут мне жить и строить».

«Меня глубоко взволновала книга Попова «Сталь и шлак», — читаем мы в письме инженера бухарестского завода Димитру Лазэра.— Прочитав ее, я еще раз убедился в том, что мало повышать профессиональный уровень, — инженер новой формации должен вкладывать в свой труд все самое ценное, что есть в его душе».

Свыше двух лет тому назад пишущий эти строки посетил коллективное хозяйство в Северной Молдове и познакомился там с крестьянином по фамилии Акицэй. Он не выполнял никакой ответственной работы в хозяйстве, просто работал вместе с женой в полеводческой бригаде. Говорили о нем только, что он очень любит читать книги и регулярно берет их в библиотеке Дома культуры.

И вот прошлой осенью мне довелось побывать в городе Радауца в шоферской школе. Было время обеда. Мы присели у стола в светлой и просторной столовой и завели беседу с курсантами о том, о сем. Вдруг с противоположного конца стола поднялся человек, одетый в крестьянскую одежду, и направился к нам.

Тогда же я и узнал в нем Акицэя из Северной Молдовы. Мы пожали друг другу руки.

— Как вы сюда попали, товарищ Акицэй? Уж не вздумали ли и вы стать шофером?

— Да, стану шофером, — ответил он.— Я подумал, что не мешает члену коллективного хозяйства быть знакомым со специальностью шофера.

Я одобрительно кивнул головой, но все же не мог понять, как этот сорокалетний потомственный хлебороб решился усесться за школьную скамью вместе с подростками.

Почувствовав мое недоумение, Акицэй спросил меня:

— Вы читали книгу «Водители» Рыбакова?

— Да, читал. Хорошая книга.

— Ну, так вот с этой книги все и началось.

По рассказам учащихся, Акицэй занимался прилежно. С его легкой руки книга Рыбакова стала очень популярной на курсах.

Не так давно я заглянул в народную библиотеку в Бухаресте. Рассказывая о читателях, библиотекарша показала мне последнюю страницу романа Фадеева «Молодая гвардия». Правила обращения с книгой были явно нарушены — кто-то красным карандашом каллиграфически написал на последней странице: «Я тоже хотел бы быть таким, как герои «Молодой гвардии». И, рискуя получить замечание от бдительной библиотекарши, читатель добавил ниже: «Т. И.— ученик».

Библиотекарша улыбалась.

— Вы думаете, я не знаю парнишку, который написал это? Я его хорошо знаю. Но я ему ничего не сказала. Зачем его огорчать? Видно, писал от души...

Да, мальчик написал это от всей души. И так, от души, любят трудящиеся нашей страны советскую литературу, которая учит их беззаветно трудиться для счастья человечества и ненавидеть врагов мира.

Еуджен ФРУНЗА

Бухарест.

Встреча в колхозе «Искра»

Первым человеком, который встретил делегацию Германо-советского общества дружбы, когда она приехала в колхоз «Искра», близ города Горького, был школьник Рома Лебедев. В тот момент, когда он собирался сфотографировать делегатов, его заснял наш фотокорреспондент.

Делегаты познакомились с колхозом, его фермами и конюшнями, побывали в гостях у членов артели.

— Мы много узнали в вашем колхозе, — сказала Эльза Пильц.— Наше знакомство доставило нам много радости. Мы хотим, чтобы крепло наше братское содружество. Дела и опыт «Искры» заронили искру в наши сердца, и можете не сомневаться, дорогие советские друзья, что когда мы вернемся на родину, эта искра возгорится пламенем дружбы.

На снимке (справа налево): Рома Лебедев, Эльза Пильц, председатель правления колхоза «Искра» П. М. Демин, Герой Труда Германской Демократической Республики Хорст Редекер.

Фото Е. Тиханова

АЛБАНСКИЕ РАССКАЗЫ

Георгий ГУЛИА

Рисунки О. Верейского

Мститель

Солнце почти над головой. От жары земля потрескалась, стала сыпучей, точно песок. Слева голая гора, и справа голая гора. Вернее, это огромные каменные глыбы. А камень на августовском солнце известно что: жаровня на огне.

Аги́м Петрѐла облизнул сухие губы. Он прильнул небритой щекой к прикладу, прищурил левый глаз... Над треугольной мушкой голова Барвю́ля Лѐши.

Вот Барвюль задумался, постоял словно в нерешительности. Вдруг голова исчезает: это Барвюль нагибается к зеленому ящику и достает оттуда какую-то трубку.

«Постой же, чорт!» — шепчет Агим. Он удобнее пристраивается у камня. Смуглое лицо напряжено, губы сжаты... И Агим словно старше становится: ему можно дать все сорок лет.

А Барвюль много моложе Агима: этому лет двадцать пять, не больше. Четыре года тому назад он уехал учиться. И вот Барвюль тут, в пятидесяти шагах. Теперь-то ему не уйти!

И снова над мушкой появляется худое потное лицо Барвюля. Должно быть, туго ему приходится на солнцепеке... Но чем же занят Барвюль?..

Агим опускает ружье и присматривается к недругу...

Барвюль тем временем приладил трубку к треножнику и внимательно смотрит в нее. Куда же он смотрит? Туда, где дом Агима. Кого же хочет он увидеть в эту трубку?..

Агим глотает слюну, снова прицеливается. Кадык у него острый, некрасивый... Некстати прилетела оса и жужжит у самого носа. Агим отмахивается от нее...

Что же все-таки делает Барвюль? Может быть, Барвюль подстерегает своих врагов из рода Петрела — братьев Агима, или дядю, или самого Агима? Отца эти проклятые Леши убили давным-давно. Правда, поплатились они-таки здорово. И еще поплатятся! Скоро Барвюль Леши почувствует, что такое настоящее х а к м а р и е — месть!..

Истоки кровавой вражды теряются в глубине десятилетий. Род Петрела и род Леши — непримиримые враги. И этого вполне достаточно... Верно, нынче Албания не та, что была прежде,— придется строго отвечать перед законом... «Но закон законом, а месть местью»,— думает Агим.

Агим хорошо помнит, как убили отца; картина эта перед глазами, словно живая... Шли они рядом, отец и Агим. Головорез из рода Леши подстерег их в засаде и поразил старого Петрела в самое сердце. Но недолго ликовал убийца: однажды, наклонившись над горным ключом, чтобы отведать студеной влаги, он тут же свалился бездыханный. Нет, пули рода Петрела не летали мимо цели!..

Барвюль почему-то наводит трубку на тот самый камень, за которым скрывается Агим. И Агим поспешно ложится на землю. Она сухая, эта земля, как порох, даже не пахнет и вовсе потеряла цвет: пепельно-серая, без единой травинки.

Вот Барвюль неожиданно поворачивается спиной. Агим про себя отмечает: «Нет, револьвера у него нет». И снова целится прямо между лопаток. А Леши все вертится у треножника с трубкой...

Агима гложет любопытство. Очень хочется знать, что́ собирается делать этот Леши... «Живешь,— размышляет Агим,— в горах и света божьего не видишь. В Тирану бы съездить да на мир поглядеть! Там, говорят, недалеко и Дуррес, а в Дурресе — целое море воды. Приятно хотя бы пальцами море пощупать».

Агим озирается: вокруг ни души, значит, дело обойдется без свидетелей...

А Барвюль, прильнув глазом к трубке, стоит, не двигается. Ах, вот оно что! Недалеко в землю воткнута полосатая палка. На нее-то и глядит теперь Барвюль. Как же до сих пор не приметил эту палку Агим? И что это за палка?

Жаль, что Агиму никогда не приходилось держать в руках книгу, тогда бы он, может, и понял, что это за трубка у проклятого Леши... Впрочем, осенью Агим непременно поступит на курсы и выучится грамоте. Это теперь нетрудно.

Но, чорт возьми, при чем сейчас грамота! Надо стрелять — и дело с концом...

А Леши что-то записывает в тетрадь. Хорошо бы узнать: что ему тут надо?..

И Агим решается: он оставляет ружье за

камнем, а сам, как ни в чем не бывало, подходит к Барвюлю.

Барвюль не сразу узнает Агима. Наконец он произносит непринужденно:

— А, это ты, Агим. Привет тебе!

— Здравствуй,— глухо отвечает Агим.

— Вот и до нас дошла очередь,— говорит Барвюль.

Эти слова Агим понимает по-своему. Барвюль вытирает пот со лба и делает пометку в своей тетради.

— Вижу, что дошла очередь.— Голос Агима глухой, недружелюбный, будто из-под земли идет.

Барвюль словно не замечает этого недружелюбия.

— Послушай, Агим,— говорит он,— не окажешь ли небольшую услугу?

— Какую?

— Мои помощники что-то запаздывают...

— Так что же? — Агим глотает слюну.

— Не подержишь ли рейку? Вон на том месте, где стоит вешка...

— А зачем?

— Видишь ли, Агим, мы здесь проводим канал. Он пройдет недалеко от твоего участка. Вот я и говорю: дошла очередь и до нашего села. Воды у тебя будет вдоволь, хоть купайся в ней!

— Воды?

— Да, воды.

— Воды? — еще раз переспрашивает Агим.

— Канал будет полноводный,— продолжает Барвюль,— его-то я и намечаю на местности.

— А ты-то по какой части? Где учился?

— Инженер я, Агим, инженер по каналам. А учился в Москве.

Агим подходит совсем близко к своему кровнику.

— Вода?.. А ты не шутишь? — говорит он, хрипя, должно быть, от жажды.

Барвюль и Агим стоят лицом к лицу. Нет, Барвюль не шутит. Эти Леши никогда не шутят!..

Агим молчит, посапывает, исподлобья поглядывает на Барвюля. А потом, не говоря ни слова, берет складную рейку с делениями и становится против трубы. Ради воды он готов простоять под солнцем и день, и два, и три...

«Неужели будет вода? — думает Агим и отвечает на собственный же вопрос: — Наверное, будет. Раз этот Леши говорит,— значит, будет. У них в роду никогда не нарушали слова»... И он улыбается тому, как смешно целится Барвюль трубкой прямо в рейку, которую прочно держат шершавые руки Агима Петрела...

Случай в Мюзеке́

Долина Мюзекѐ — самая плодородная в Албании. Сто́ящая земля, что и говорить! А если принять во внимание, что недавно провели сюда воду для орошения полей, то картина получится совсем отрадная. «Почти эдем»,— шутят крестьяне.

Но что такое эдем без хорошего дома? И Бедри́ Кокала̀ри решил построить дом. Раньше это делалось очень просто: немного хворосту, немного глины — и плетеная хижина готова. Разводи себе огонь посреди дома и живи. А ежели хозяин отдаст землю другому крестьянину, разбирай свою хижину, грузи на осла и подыскивай себе другое место и другого хозяина. Вот почему в этих хижинах никогда не бывало труб: это великое право строить трубы, а следовательно, и печи, принадлежало только землевладельцам. Ну, а жизнь в убогом крестьянском жилище легко себе представить: дыму всегда полным-полно, летом жарче, чем на кухне крупного бея, а зимой так холодно, что зуб на зуб не попадает...

Теперь совсем не то! Бедри получил кирпичи и построил дом, как полагается: с толстыми стенами, с большими окнами. Кровлю покрыл черепицей. Переселился Бедри в новый дом, отпраздновал это событие, и вдруг...

Короче говоря, вызывают Бедри в народный совет. Но не в сельский, а требуют прямо в районный.

Председатель народного сельского совета, который исправно передал этот срочный вызов, внимательно посмотрел на Бедри и проговорил:

— Да, вызывают, значит... Что же это может быть?

— А что? Совет свой, и вызывают свои.

— Не в том дело, Бедри... Что там у тебя с домом приключилось?

— С каким домом?

— С новым, должно быть...— Председатель помолчал и добавил: — А может быть, со старым. Насчет дома намекали...

— Ничего не понимаю!

Бедри закурил. Он долго держал в руках горящую спичку, пока она не обожгла ему пальцы...

Солнце клонилось к западу. Вдали, словно за кисейной занавеской, гора Томо́ри. Вокруг вершины собирались небольшие облака. Томори всегда немножечко задумчива, но нынче она показалась Бедри Кокалари просто грустной.

Намеки председателя смутили крестьянина. Он поправил белую шерстяную шапочку на голове, вернее, сдвинул ее набок и сказал:

— Ну, что ж, надо собираться в совет — там будет видно.

Бедри нарядился в новые широкие шаровары, шелковую рубашку и куртку-безрукавку. В зубах — расписанный яркими красками мундштук...

Дело обернулось неожиданным образом: Бедри вынесли в совете строгое порицание, заставили, что называется, краснеть от стыда...

Он возвращался из совета домой через оливковую рощу и думал:

«Тысячу лет стоят эти деревья. Тысячу лет растут на них оливы. Многое случилось за это время. Они видели кровь наших предков... Может быть, под их листвой отдыхал герой Скандербег, который против турок бился? Видели эти деревья, как нашего брата совсем еще недавно беи со свету сживали... Словом, многое перевидели они на своем веку. Но такого, что нынче приключилось в совете, никогда не бывало».

Бедри соображал, что и как он станет говорить жене и детям. То-то подивятся они, когда узнают, почему краснел нынче Бедри Кокалари в совете...

А дело было вот как.

Пришел Бедри в совет. Принял его сам председатель Джави́д Са̀ко. Были при этом бойкая Зари́ка Та̀сси и еще незнакомые люди.

Джавид сказал:

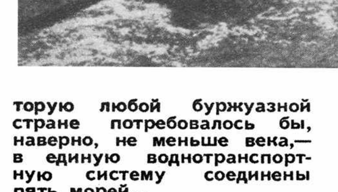
— Присаживайтесь, товарищ Бедри.

— Спасибо, я постою.

— Чересчур скромны,— сказал, смеясь, Джавид и снова попросил: — Садитесь, пожалуйста.

И все присутствующие этак с минуту, кото-

2. СКОЛЬКО РАБОТЫ ВПЕРЕДИ!

Два снимка...

Первый пароход, входящий в Беломорско-Балтийский канал имени Сталина...

Флагман речного флота «Иосиф Сталин», совершающий первый рейс по Волго-Донскому каналу имени Ленина...

Девятнадцать лет отделяют одно событие от другого. Срок, казалось бы, незначительный. Но мы успели за это время проделать грандиозную работу, на которую любой буржуазной стране потребовалось бы, наверно, не меньше века,— в единую воднотранспортную систему соединены пять морей...

И мы бы сделали это еще быстрей, если бы нам не мешали. Если бы фашисты не разрушили значительную часть Беломорско-Балтийского канала, которую нужно было восстанавливать. Если бы мы не вынуждены были из-за навязанной нам войны отложить начатое строительство Волго-Дона...

Теперь все видят, на что способны советские люди, когда у них есть возможность мирно трудиться. Сколько еще нужно сделать, сколько еще великих работ впереди!

рая показалась Бедри целым часом, глядели на крестьянина из долины Мюзеке...

Наконец Джавид нарушил молчание:

— Мы о вас были хорошего мнения, товарищ Бедри. Верно говорю?

Зарика отозвалась:

— Еще бы! Бедри — известный партизан, Бедри — прекрасный работник. Что еще? О таких говорят: крепок и чист, как горный камень.

Бедри стало неловко от таких похвал. Но так как он чуточку был философом, то есть трезво мыслящим крестьянином, подумал:

«Что-то за этим последует?»

И последовало.

— Товарищ Бедри! — громко, как на собрании, сказал Джавид.

Джавид — крупный мужчина лет тридцати. Он чем-то взволнован, это по всему чувствуется...

И Джавид продолжал:

— Товарищ Бедри, мы считали вас своей опорой. А вы? Что же вы сделали?

Бедри выронил мундштук.

— Вы получили кирпич? — спросил Джавид.

— Получил,— ответил Бедри, недоумевая.

— Лес?

— И лес получил.

— Дом выстроили?

— Выстроил.

— Много каменных домов в вашем селе?

— Нет, только начинают по-настоящему строиться.

— Значит, вы подали другим пример. Но какой?

— Не знаю,— сказал Бедри.

— А мы знаем: очень плохой! Почему дом без трубы выстроили?

Бедри медленно поднялся со стула.

— Как вы сказали? — едва выговорил он.

— Почему дом без трубы выстроили, говорю?!

Бедри молчал, точно провинившийся школьник.

— По привычке? — спросил председатель.— Но ведь привычка эта рабская, а вы теперь свободный человек.

Бедри снял шапочку и пятерней расчесал волосы. Он покраснел; на лбу и на подбородке выступил пот.

— Всю жизнь без трубы строили,—признался он виновато.

— Согласитесь, что это глупо — дом без трубы!

— Так было...

— Но в наше время это бессмысленно и глупо!

— Верно,— выдавил из себя весь багровый от стыда Бедри.

Джавид улыбнулся:

— Надо строить дома по всем человеческим правилам!

Это был настоящий выговор. И Кокалари пришлось дать слово:

— Будет труба... Высокая... Белая...

После этого отпустили его, как говорится, с миром...

Идет, стало быть, Бедри Кокалари в тени олив, идет легкой походкой и говорит про себя:

«Вот тебе, Бедри, и приятная неприятность!..»

А что еще остается говорить Бедри из Мюзеке?

Письмо

Вот письмо, присланное в Корчу из деревни Попинар:

«Дорогой Хюсни́!

Наконец-то и я могу написать тебе. Верно, мне легче было пасти стадо баранов и лазать по горам, как прежде, чем сочинять эту бумажку. Но мы писали вместе с товарищами, и это облегчило дело.

Мне сообщили, что ты выучился бойко владеть пером. Это очень хорошо. Было бы еще лучше, если бы это случилось и со мной и с тобой лет десять — пятнадцать тому назад. Верно, грамота нужна и в тридцать пять лет, но в двадцать от нее гораздо больше пользы. Ты прав тысячу раз: если бы не народная власть, не видать бы нам грамоты, как своих ушей...

Ты спрашиваешь, что я делаю в этой глуши. Скажу: мы тут строим школу. Это у самой югославской границы. Совсем недалеко ходят титовцы и от злости, как волки, скалят зубы.

Школа почти готова. Через две недели сюда придут малыши. А пока мы строили школу, нас обучили грамоте. Поэтому я и могу написать эти строчки, как говорится, с божьей помощью.

Я говорил, что недалеко ходят титовцы. Три дня тому назад они подняли пальбу. Одна пуля разбила стекло в окне. Но мы вставили новое тотчас же...

А крестьяне приходят и осматривают здание: им все еще не верится, что будет школа. Здесь никогда не было школы. Говорят, что король Зогу еще в 1925 году обещал построить школу. А ему что? Разве трудно пообещать?

Я тебе скажу вот что: очень приятно писать первое письмо другу. Товарищи утверждают, что у меня есть хватка: дескать, перо покрепче топора держу. Верно, пальцы хрустят до боли, перо скрипит, цепляется за бумагу. Так ли ведет себя и твое перо?

Построим здание и вместе с товарищами поедем в Тирану. Это, говорят, большой город. Строится там какой-то завод. И не один, говорят. Если бог даст, продолжу там свое учение и — не смейся,— может быть, еще дальше пойду в грамоте...

Ты помнишь Исмаила? Он жил на краю села в полуразрушенном домике и любил неспелые оливки. Говорят, что он почти писатель. Мы читали в газете статью. Кажется, написал он: имя его, и фамилия его. Все может быть — удивляться этому нынче не приходится! Я в писаки не стремлюсь, но выйти в десятники не худо бы. Что ты скажешь? Наверное, голова твоя полна разных планов. Не скрывай их от меня, напиши всю правду...

Когда собираешься домой? Может, и я к тому времени выберусь. Тогда мы вспомним молодость. Наши живут хорошо. У них теперь кооператив. Машины пришли в горы: пашут, жнут, молотят. Они из Советского Союза. От электрической станции получили свет. Говорят, что и отец засел за книгу. Но это он скрывает от меня, стесняется. А младший брат в армии...

Третий день пишу письмо и никак не кончу. Это не так просто. А как же люди сочиняют целые книги? Должно быть, все может одолеть человек!

Есть тут у нас один каменщик. Он из Шкодера. Большой весельчак. Он клянется, что из меня выйдет не только десятник, но и техник. Надо, говорит, только пожелать. Но я думаю он просто так, шутит. Я как-нибудь напишу о том, что думаю по этому поводу.

На этом письмо заканчиваю...

Сегодня покрасили полы. Блестят, как зеркальные. Мне кажется, что таких полов не было во дворце самого Ахмеда Зогу!

Твой друг На́шо Ду́ме».

Это письмо не было отправлено составителем, положившим на него не меньше сил, чем на постройку школы. Конверт опустили товарищи Нашо, приложив к нему такую записку:

«Товарищ Хюсни!

Дурную сообщаем весть: ваш друг, плотник Нашо Думе, погиб. Вчера опять стреляли титовцы. Они стреляли целых два часа. Потом успокоились, вернее, их отогнали наши пограничники. Нашо был ранен в грудь. Он все время пытался что-то сказать. Он хватал нас за руки и тряс, но ничего не поняли мы, а только догадались: он проклинал своих убийц! Вместе с ним проклинали их и мы!

А еще был убит один крестьянин в деревне, которого вы не знаете.

22 августа 1952 года. Друзья покойного Нашо Думе».

Тирана — Москва.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ.

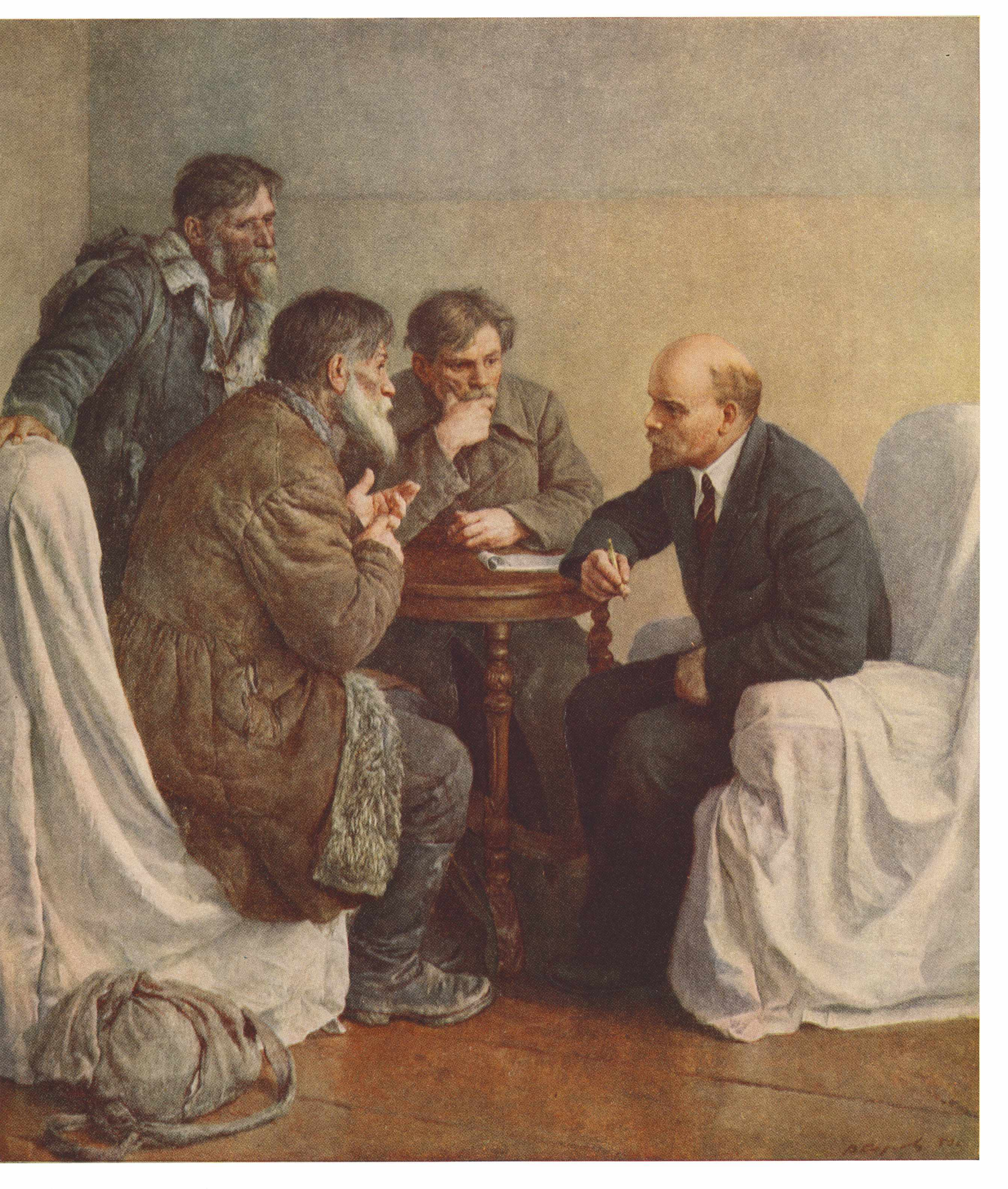
Картина **И. И. Бродского.**

ВЛАСТЬ СОВЕТАМ — МИР НАРОДАМ.

Картина **Д. А. Налбандяна, В. Н. Басова, Н. П. Мещанинова, В. А. Прибыловского, М. А. Суздальцева.**

ХОДОКИ У В. И. ЛЕНИНА.

Картина **В. А. Серова.**

ПРОГРЕСС СОВЕТСКОЙ НАУКИ

ВЕЛИКАЯ СИЛА СОВРЕМЕННОСТИ

Академик М. М. ДУБИНИН

Людям моего поколения нетрудно воскресить в памяти картину дореволюционной химической промышленности. Перед мысленным взором предстают мелкие, полукустарные заводы, где хозяйничали главным образом иностранные капиталисты. Бо́льшую часть сырья, полуфабрикатов и химических товаров приходилось приобретать за границей. В царской России химическая наука не располагала возможностью планомерного развития: лишь в нескольких городах — Петербурге, Москве, Киеве, Томске, Казани, Одессе — существовали химические школы; число химиков с высшим образованием едва превышало тысячу человек. И это в стране, давшей миру Ломоносова, Зинина, Бутлерова, Менделеева!

Что можно говорить о содействии царского правительства русским ученым, если труды М. В. Ломоносова по химии и физике пылились в архивах и вплоть до 1904 года оставались неопубликованными?!

Великий Октябрь открыл деятелям науки, в том числе и химикам, невиданные перспективы творческого труда. Вспомним: еще в 1918—1920 годах, когда полыхала гражданская война, по указанию Владимира Ильича Ленина были основаны научно-исследовательские учреждения: Центральная химическая лаборатория, институты по удобрениям, прикладной химии, прикладной минералогии. А вскоре Академия наук начала систематически изучать производительные силы молодой Советской республики. Уже в 1928 году по предложению товарища И. В. Сталина при Совнаркоме СССР был создан Комитет по химизации народного хозяйства, которому поручалось организовать новые отрасли химической промышленности, исследовать сырьевую базу, развивать высшее и среднее химическое образование, издавать научную и учебную литературу.

У нашего народа сложилась хорошая традиция: в канун больших праздников оглядываться на пройденный путь, подводить итоги сделанному, намечать пути дальнейшего продвижения вперед. Сейчас, накануне 35-летия Великой Октябрьской социалистической революции, мы вправе заявить: за годы советской власти химическая промышленность в нашей стране, по существу, создана заново, а химическая наука достигла небывалого расцвета. Когда мы вспоминаем годы первой пятилетки — начало бурного развития химии, — мы прежде всего с гордостью повторяем сталинские слова, сказанные еще в 1933 году: «У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь».

Отечественная химия во многом опередила науку капиталистических стран. Созданная нами мощная химическая промышленность имеет свои оригинальные производства, разработанные нашими учеными. Укажу хотя бы на то, что СССР является родиной промышленного способа производства синтетического каучука. За годы сталинских пятилеток построены заводы синтетического каучука и аммиака, метилового спирта. электрохимического получения алюминия и магния, электротермического получения фосфора, концентрированных удобрений, новых видов искусственного волокна и пластмасс, органических красителей. лекарственных препаратов, витаминов. Создана разветвленная сеть научно-исследовательских институтов и учебных заведений.

Каковы конкретные достижения советской химической науки?

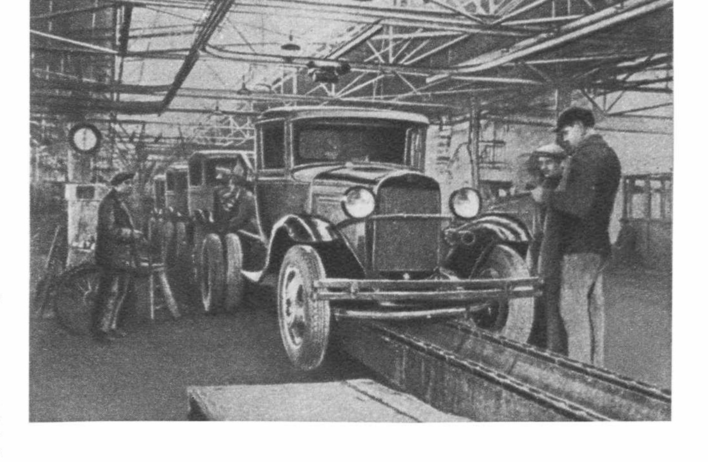
Вот далеко не полный перечень (это — первое, что сейчас мне приходит на память), но и он красноречиво свидетельствует о наших мирных устремлениях. Это разработка и внедрение в промышленность и сельское хозяйство новых видов органических и элементоорганических химических средств борьбы с многочисленными вредными насекомыми и болезнями растений, создание новых обезболивающих средств, защита сооружений от коррозии.

Среди внедренных новых веществ органические соединения фосфора, хлорорганические и ртутноорганические соединения. Их особенность — одновременное действие против многочисленных вредителей и возбудителей болезней. В Институте органической химии Академии наук СССР в последнее время синтезировано новое обезболивающее средство — «промедол», в четыре — пять раз более эффективное, чем морфин. Коллектив химиков и врачей принимал участие в испытании нового препарата.

Созданы теоретические основы и эффективные методы ограждения наземных и подземных металлических сооружений от разрушений под влиянием атмосферы, речной и морской воды или влажного грунта. Эти методы, позволяющие, в частности, делать более долговечными трубопроводы и другие

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТРАНИЦЫ ЖУРНАЛА

3. ТЕБЕ, СССР!

...Январь 1934 года. Совсем еще молод Горьковский автомобильный завод, а машины с его маркой выдержали много испытаний, и самое серьезное — пробег через Кара-Кумы.

Завод существует недавно, но уже напечатан снимок с такой подписью: «Полностью освоена проектная мощность».

Когда пускали первые корпуса автозавода, на крыше кузнечного цеха комсомольцы установили огромный плакат: «Тебе, СССР!».

Тебе, страна, этот завод, которому разрастаться и разрастаться, становясь в число крупнейших предприятий мира.

Тебе, страна... Немало еще других автомобильных заводов вошло в ряд с Горьковским заводом имени Молотова,— Ярославский, Миасский, Минский. Тысячи и тысячи машин великолепно показали себя на мирных автострадах и на стройках коммунизма.

Тебе, страна, и вот эта колонна самосвалов, прибывших на строительную площадку Куйбышевской гидростанции! Они построены в Минске и берут каждый по 25 тонн груза. За два рейса минский самосвал отвозит столько, сколько могут привезти три железнодорожных вагона. Колеса у этого великана в человеческий рост. Шофер поднимается в кабину по ступенькам, словно входит в дом.

«МАЗ-525» — так называется эта машина — можно считать вершиной сегодняшнего автомобилестроения. Но таков уж советский человек, что, одолев одну вершину, он немедленно устремляется к следующей...

объекты промышленности и экономить значительные средства, будут иметь огромное значение для великих строек коммунизма.

Работая в содружестве с производственниками, советские ученые-химики обогатили отечественную науку работами, имеющими громадное практическое значение. Я имею в виду получение таких сложных веществ, как антибиотики, гормоны, витамины и другие препараты, на которые социалистическое народное хозяйство и здравоохранение предъявляют большой спрос.

Величественные перспективы открывают перед нами директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану. Сердцу советского ученого дорог и близок этот план мирного развития и созидания. Впереди у нас увлекательная задача: создать новые вещества и материалы с наперед заданными свойствами. Решение этой проблемы связано с дальнейшим развитием химической науки, глубокой разработкой многих теоретических вопросов и фундаментальными обобщениями.

Современные промышленность, сельское хозяйство и медицина во все возрастающем объеме требуют от нас создания новых сплавов, каучуков, пластических масс, физиологически активных веществ. Нам предстоит также решить проблему полной замены животного и растительного пищевого сырья, применяемого в промышленности, массовым и доступным непищевым сырьем, развить экспериментальные и теоретические исследования в области химии белка.

Коммунистическая партия, товарищ Сталин неустанно помогают нам, направляют наше целеустремленное творчество. Недавно мы получили новый замечательный программный документ, который в условиях перехода от социализма к коммунизму открывает безграничные перспективы дальнейшего расцвета науки,— гениальный труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Советская химия, проникающая во все области народного хозяйства, пробуждающая к жизни природные богатства, вступает в тридцать шестой год советской власти поистине огромной силой.

СОДРУЖЕСТВО ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Академик А. А. БЛАГОНРАВОВ

Вы говорите: «Давайте помечтаем!» А как мечтать, когда вчерашние наши мечты сегодня стали планом?! Впрочем, это как раз и характерно для советской действительности, для советского человека, преобразующего природу.

Вот, скажем, мы мечтали превратить бассейн реки Ангары в край цветущего изобилия. И превратим. На Ангару выезжала бригада ученых, изучала рациональное использование энергетических ресурсов этой могучей реки... Еще недавно казались фантазией заводы-автоматы, электростанции, управляемые на расстоянии, кузницы, похожие на лаборатории, тракторы, получающие энергию по проводам...

Все эти удивительные явления вошли в великий план социалистического строительства на ближайшие годы, а кое-что уже осуществлено.

Так давайте лучше подумаем, как мы будем выполнять наши планы, как будем бороться за наши «мечты»!

В ближайшие годы в Советской стране должно повыситься производство чугуна примерно на 76 процентов, стали — на 62, проката — на 64. Что мы, ученые, должны сделать для этого?

Не только интенсифицировать существующие процессы, чтобы выжать из печей максимум того, что они могут дать; не только разработать способы получения металла из новых баз сырья; не только повысить скорости существующих агрегатов. Мы должны повысить качество металла, его долговечность, износоустойчивость, что равносильно увеличению его количества. Без теории тут мы не обойдемся: надо ясно представить себе, что можно получить от данного металла и какими средствами. Так сказать, какой подход к металлу нужен, чтобы он согласился открыть все свои затаенные возможности.

В сталинском плане великих работ металл занимает огромное место. Строительство электростанций, каналов, оросительных систем, не считая оборудования, требует двух — трех миллионов тонн железа. Будет ли это количество бо́льшим или меньшим, зависит в значительной степени от того, сумеют ли ученые добиться от металла вековой службы, высокой противокоррозийной устойчивости.

Мы должны создать новые типы машин и механизмов. Многое уже сделано в этом направлении. Современной технике необходимы машины быстроходные. И сразу встали новые насущные задачи — исследование динамической прочности деталей машин.

Но и этого мало. Нужно научиться помогать металлу, облегчить ему условия работы, дать возможность механизму стать долговечным, а значит, заниматься теорией трения, правильного использования и распределения смазки, ее качества. Работы эти ведутся, и за теорией непосредственно следует практика.

Приведу один пример. У нас создан речной ледокольный флот. Это самый маневренный флот в мире, ибо условия плавания в речных льдах требуют предельной маневренности. Так вот от каждого резкого изменения направления судна дизельный двигатель амортизируется, как при семи часах нормальной работы. Стало быть, срок его службы сокращается во много раз.

Новые дизели не будут так быстро изнашиваться: Институту машиноведения Академии наук удалось решить проблему борьбы с износом поршневой группы механизма.

В ближайшие годы мы должны добыть угля на 43 процента больше, чем добывали. Это не только усовершенствование машинной добычи угля, не только автоматизация. Конечно, мы мечтаем о том времени, когда под землей вовсе не станет человека, когда он на расстоянии, в своем наземном кабинете будет контролировать действие автоматов... Пока же под землей работает шахтер, и мы хотим, чтобы труд его был удобным, радостным.

Институт горного дела Академии наук СССР многое сделал, чтобы атмосферные условия под землей приблизить к нормальным земным.

Пресловутая канарейка, которую в шахтах всего мира носили с собой по выработкам, чтобы она, погибая, известила о присутствии угарного газа, возвращена к своей прежней «профессии», предназначенной ей самой природой. Правда, за границей во многих местах «канареечный индикатор» так и не нашел себе заместителя. Смешно и странно выглядит он в наш век высокой техники!

В Институте горного дела создан современный индикатор окиси углерода, обладающий исключительной чувствительностью: он мгновенно обнаруживает даже одну тысячную долю процента угарного газа в воздухе.

Самочувствие рабочего зависит и от температуры и от света. На глубине 1 200—1 500 метров (а такие глубокие шахты — дело недалекого будущего) температура воздуха достигает 40—50 градусов выше нуля. От этой жары мы легко избавим шахтеров при помощи установки кондиционирования воздуха. «Искусственный климат» отрегулирует и температуру и влажность. А чтобы не портить глаза шахтеров ярким светом ламп накаливания, будут установлены лампы дневного света.

Это уже не просто высокая техника, это высокая забота о работающем человеке. Эта забота проявляется у нас на каждом шагу, во всех отраслях промышленности.

Проявили ее наши ученые и на великих стройках коммунизма. Пусть вас не удивляет, что я рассказываю о «мелочах». Все знают то большое, что сделано на стройках коммунизма, а о малом менее известно, да и не очень-то оно «малое».

Речь идет о создании специальной светотехники на рабочих площадках, о том, чтобы свет в ночное время был достаточно ярким и правильно распределялся и вместе с тем не вредил глазам и нервам человека. Условия стройки требовали особого решения этого, казалось бы, простого вопроса. Специальная светотехника великих строек создана силами ученых, кое-где ее уже применяют.

Огромную пользу принесло нам содружество ученых с производственниками, форма научной работы, созданная социалистическим строем. Вместе мы будем идти от одного достижения к другому, и в этом стремительном движении вперед сокрушается немало старых представлений, рождаются новые идеи.

У штурвала
Прокофий Нектов

О комбайнере Прокофии Васильевиче Нектове знает вся страна. Тяжело раненный в бою под Старой Руссой, он лишился обеих ног. Покинув госпиталь, Нектов вернулся в родное село Казанку, что раскинулось в долине речки Тильгазы, в Заволжской степи. В протезной мастерской много потрудились, чтобы сделать фронтовику удобные протезы. Он стал каждодневно тренироваться и наконец встал «на ноги». Прокофий Васильевич сел за штурвал комбайна.

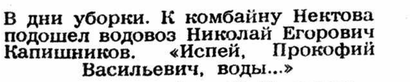
Как работает сейчас прославленный комбайнер-фронтовик? Начинал он с того, что убирал за сезон по 400—500 гектаров, а в нынешнем году убрал более 1 500 гектаров.

Теперь Нектов не только водит комбайн, но с успехом управляет и автомашиной. Недавно Прокофий Васильевич купил себе «Москвича». Кое-что комбайнер переоборудовал в управлении и ездит на машине, как заправский шофер.

За жизнью и работой знатного комбайнера-патриота следят тысячи советских людей. Изо всех уголков страны Прокофию Васильевичу пишут многочисленные его друзья — бывшие фронтовики, рабочие, колхозники. Товарищи поздравляют Нектова с успехом, от души желают ему здоровья и новых побед в труде.

В Чкаловском областном музее оборудован специальный стенд: «Подвиг комбайнера Прокофия Нектова». Местный скульптор А. И. Козырев работает над скульптурой, которая изображает Нектова за штурвалом комбайна.

С. КУЗМЕНКО

В дни уборки. К комбайну Нектова подошел водовоз Николай Егорович Капишников. «Испей, Прокофий Васильевич, воды...»

Фото И. Баранова

ПРОБУЖДЕННЫЕ НЕДРА ЗЕМЛИ

Академик Д. С. БЕЛЯНКИН

Передо мной две геологические карты нашей Родины: карта дореволюционная и карта наших дней. Первая покрыта многими белыми пятнами, кое-где пронизанными отдельными ниточками маршрутов, а вторая сплошь закрашена условными знаками, которыми отмечены места, где скрыты неисчерпаемые подземные богатства.

Эти две карты — наглядная история геологического изучения нашей страны. Первая рассказывает нам о тысячеверстных многолетних путешествиях пешком, на лошадях, на верблюдах, в лодках, предпринятых геологами-одиночками, чтобы нанести тонкий штрих на белое поле. А вторая карта — карта сказочных богатств, открытых в кладовой природы после Великой Октябрьской революции. Гигантский размах виден на этой карте, размах, превзошедший самые смелые мечты ученых.

Геолог-разведчик наших дней — это не привязанный к земле одиночка с компасом и горным молотком в руках, пытающийся проникнуть в тайну земной коры. Сейчас геологическая разведка зачастую начинается с воздуха. С самолета не только видны расстилающиеся внизу пространства с горными складками, руслами рек и пустынями. Установленные на его борту чувствительные приборы позволяют обнаружить местоположение железной и других руд, залежи каменного угля, нефти.

Академик В. А. Обручев в своих воспоминаниях об одной давней экспедиции писал, что в его распоряжении был даже «целый мешок кассет». Геолог наших дней располагает великолепным ассортиментом «умных» приборов, которые «прослушивают» и «прощупывают» глубины земли. Есть приборы, отмечающие различную электропроводимость металлов, ведущие сейсмологические наблюдения.

Еще в первые годы советской власти от нас, геологов, потребовались иные способы работы. Были созданы геологоразведочные управления; Геологический комитет стал Министерством геологии; в Академии наук СССР и в академиях союзных республик родились и выросли новые институты, занятые геологическими изысканиями... Сейчас армия геологов насчитывает в своих рядах тысячи специалистов, воспитанных на передовых материалистических традициях славной плеяды русских геологов — А. П. Карпинского, Е. С. Федорова, В. И. Вернадского, И. М. Губкина, А. Е. Ферсмана.

Огромны успехи этой армии. Апатиты и нефелины нашего Севера, калийные соли Приуралья, Кузнецкий бассейн, уголь Печоры, Караганды и Якутии, нефть Сахалина, медь Лениногорска, марганец Казахстана, железные руды Сибири и Дальнего Востока, цветные металлы Южного Урала и Средней Азии — вот далеко не полный список завоеваний нашей геологии за тридцать пять лет советской власти.

В руках у этой армии есть еще одно самое тонкое, самое сильное оружие — теория, творчески осмыслившая весь обширный конкретный материал, накопленный бесчисленными геологическими экспедициями.

В творческом содружестве геологии с физикой и химией возникли новые науки: геофизика, геохимия, геология угля, геология нефти, геология руд, геология неметаллических ископаемых. Дополняя и обогащая друг друга, они умножают свои силы в борьбе за открытие законов природы. Наука о каменном угле обогатилась теорией узлов накопления, выдвинутой академиком П. И. Степановым и дающей метод прогноза залежей этого ископаемого. На основе учения о нефти академика И. М. Губкина открыто черное золото «Второго Баку», открыто там, где присутствие нефти оспаривалось дореволюционными и некоторыми современными учеными.

Советский геолог не прекращает своих дерзаний и исследований, открыв источники минерального сырья. Для него характерна глубокая связь с технологией; он изучает процессы, при помощи которых придаются совершенно иные свойства камню, облагораживая и исправляя природу. Тесная связь науки и практики породила совершенно новую область в науке — науку об искусственном камне.

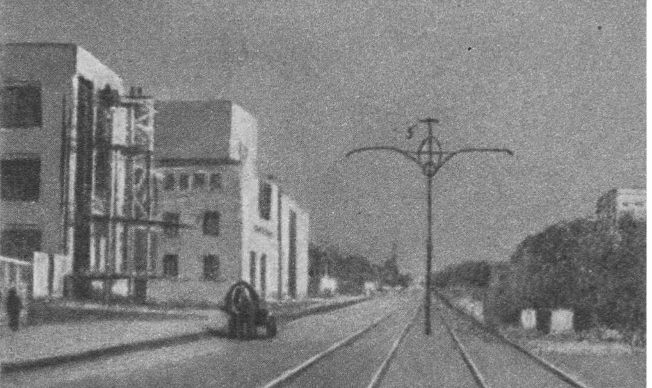
Шлаки — пена доменного процесса — со дня первой плавки железной руды до недавнего времени считались отбросами производства. Горы темных стекловидных кусков веками захламляли дворы металлургических заводов. Петрографы-камневеды заинтересовались этими грудами. Они выяснили, что искусственный камень можно с успехом применять в строительстве.

Любопытно отметить, что советское камневедение смело вторгается теперь и в структуру природного камня, значительно улучшая его свойства. Несколько лет назад казалось нелепым подвергать технологической обработке базальт или обыкновенный диабаз, ровно обитыми кубиками которого мостят дороги. Однако предложенная советскими петрографами плавка базальтов и диабазов раскрывает новые возможности их применения.

XIX съезд нашей партии выдвинул перед советской геологией проблемы огромной важности и значения. Исследователи земли призваны решить задачу более глубокой разведки природных богатств нашей страны, в особенности нанести на карту просторов Азии, Сибири и Дальнего Востока новые залежи железных руд, каменного угля, нефти, цветных металлов: свинца, цинка, меди, никеля, олова, марганца, строительных материалов. Чтобы справиться с этим заданием, теория должна предначертать дорогу геологам-практикам.

Отечественная наука, вооруженная глубоким знанием законов природы, идет к цели, не опасаясь случайностей и неудач. В ее ярких лучах древняя кора земли станет «прозрачной» для исследователя.

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТРАНИЦЫ ЖУРНАЛА

4. УЛИЦА НАУКИ

Узнаешь ли ты эту улицу, читатель?

Трудно, конечно, положительно ответить на этот вопрос, если ты не жил в Москве восемнадцать лет назад, когда «Огонек» поместил эту фотографию. Но если ты даже и московский старожил, то наверняка уже запамятовал, что так выглядела Большая Калужская...

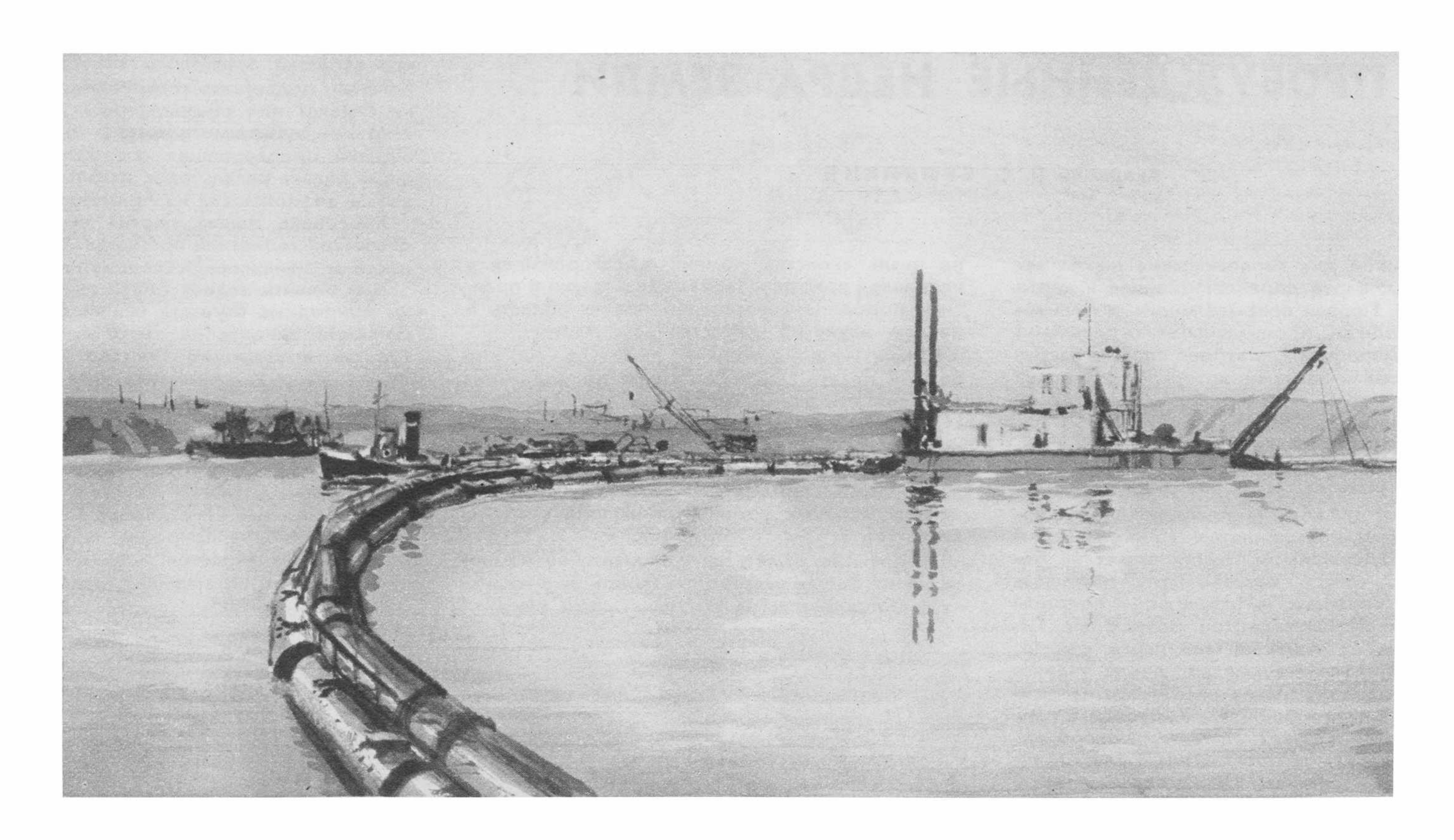
Помещен же этот снимок был как раз для того, чтобы запечатлеть старый вид улицы, которой предстояло в скором времени чудесно преобразиться. «Москва готовится к переезду Академии наук»,— сообщалось на первой странице журнала 20 июля 1934 года. А под снимком стояла подпись: «Б. Калужская улица, предоставленная Моссоветом для строительства новых помещений академии».

И вот она перед нами, Большая Калужская, сегодня, красивейшая магистраль столицы.

Улица, которая может быть по праву названа улицей Науки... Здесь институты. Институт стали имени Сталина, Горный имени Сталина, Нефтяной, откуда каждый год выходят с дипломами в большую жизнь сотни юношей и девушек. Здесь научно-исследовательские учреждения, лаборатории, в которых ученые экспериментируют, ищут, творят во имя процветания страны. Академия наук СССР, которая стала в наши дни боевым научным штабом, живущим вместе с народом полнокровной, кипучей жизнью. И по обеим сторонам магистрали — многоэтажные, задуманные и выполненные в едином стиле большие дома, в которых живут многие ученые.

Улица Науки! Как же иначе назвать ее, если приводит она к новому зданию Московского университета, этому величественному Дворцу науки, который горделиво высится теперь на Ленинских горах!..

Привет из Цимлы

Рассказ

Александр РОЗЕН

Рисунки О. Георгиева

Недавно я слушал лекцию одного известного ученого-энергетика. Он рассказывал о строительстве электростанций в новой пятилетке и заглянул в будущее, когда все электростанции Советского Союза соединятся в одну высоковольтную сеть и распределение энергии будет происходить из одного центра. Энергия Волховской ГЭС сольется с энергией Куйбышевской гидроэлектрической станции, а энергия Шатуры с энергией Тахиа-Таша... Из этого «общего котла» наши заводы, колхозы, новостройки будут получать энергию, даже не зная, кто сегодня является их «кормильцем».

Лекция интересная, тема близкая, в особенности для нас, строителей новой гидроэлектрической станции. Я лично работаю багером на земснаряде. Строим котлован под плотину и здание ГЭС, и наша работа тоже записана в новом пятилетнем плане.

После этой лекции ребята подходили ко мне и говорили, смеясь:

— Ну, Зарубин, если бы дело было через пять лет, никогда бы тебе анечкиного привета не угадать...

Вы, конечно, не понимаете, кто такая Анечка и какое отношение имеет ее привет к лекции ученого-энергетика. Чтобы вам стало понятно, я расскажу одну историю. Это личная моя история, но все равно послушайте.

Как я вам уже говорил, я работаю багером. Эта работа ответственная. Во время смены в моих руках находится все управление земснарядом. Взгляните на мой электропульт. Видите надписи: главный двигатель, рыхлитель, лебедки, тросы. Достаточно одного нажима кнопки, чтобы все это хозяйство пришло в движение. Я это говорю для того, чтобы вы знали: багер должен быть человеком авторитетным.

Народ на нашем снаряде молодой, большинство комсомольцы, и, надо сказать, живем мы очень дружно. Земснаряд для нас не только производство, но для многих еще и дом. Кубрики у нас хорошие, столовая не хуже, чем другая кают-компания; есть библиотека, шахматы, а по самодеятельности держим первенство на участке. Я вот, например, имею комнату в центре города, но жил все это время вместе с товарищами на снаряде. Правда, на это были особые причины, но о них я скажу позднее.

На новостройке мы работаем уже несколько месяцев, но сработались и сдружились куда раньше. Это было на строительстве Цимлянской гидроэлектрической станции, на «Цимле», как мы ее запросто называем.

Да, вот Цимла... Так она и стоит перед глазами. И знаете, какой она мне особенно запомнилась? Уже остывшей от строительного жара, уже освобожденной от машин и удивительно тихой. Такой мы ее видели, когда расставались с ней перед самым пуском. И поверьте мне: не один я запомнил ее такой, а все наши ребята, я-то ведь их хорошо знаю. Да и разговоров у нас об этом было немало и в пути и на новом месте.

Цимла, Цимла!.. Мы ведь там начинали. А это никогда не забывается. Ну вот я... На снаряде я начинал машинистом и не скрою: первое время очень робел. Техника новая, многому пришлось учиться. Я там и курсы багеров закончил. Приятель мой, Володя Карамышев, комсорг, так же, как и я, начал с машиниста. Теперь он сменный механик. Да кого ни возьми, все выросли...

Верите ли, стоишь у себя в багерской за пультом, а в мыслях видишь Цимлу...

А уж вечерами сколько мы о ней вспоминали! На расстоянии каждая мелочь дорогой становится...

Да, много нам дала Цимла, спасибо ей, но на одних воспоминаниях далеко не уедешь. Так говорил нам и начальник нашего земснаряда и комсорг. Надо на новом месте оправдывать свое звание строителя Цимлянской гидроэлектрической станции, работать еще лучше.

На такие слова люди у нас отзывчивые. Меньше стали на прошлое оборачиваться, больше думать о завтрашнем дне. И жизнь на новом месте быстро наладилась. Только у меня на душе не было желанного перелома.

Я решил откровенно поговорить обо всем с Володей Карамышевым, но Володя сам начал со мной разговор.

— Гриша,— спросил он меня,— что это ты с дежурным техником не ладишь?

— Не лажу? Я его по телефону плохо слышу... Голос у него какой-то, не то простуженный, не то прокуренный... Я ему только это и сказал...

— Что ж,— говорит Володя,— не всем же звенеть колокольчиком. Надо себя взять в руки. Все же ты багер, человек авторитетный..

Вот в чем здесь дело: наше строительство получает электроэнергию от старой, еще довоенной тепловой электростанции. От нее к нам идет линия электропередачи. А на самом строительстве есть подстанция, где напряжение понижается. Прежде чем запустить главный двигатель, а он у нас очень мощный, багер обязан поставить в известность сменного техника на подстанции. Но это только часть дела. Так сказать, техническая его сторона.

И на Цимле был тот же порядок, там тоже была подстанция, и багер звонил по телефону и спрашивал разрешения на запуск главного двигателя.

Но там я приходил в багерскую, брал телефонную трубку и, соединившись с дежурным техником, говорил: «Доброе утро, Анечка!», или «Как здоровье, Анечка?», или «Хорошо ли, Анечка, отдохнули?». И в ответ мне звенел колокольчик: «Доброе утро, чувствую я себя хорошо, спасибо».

А после смены я снова соединялся по телефону с дежурным техником:

— Приезжайте к нам на снаряд, Аня, я за вами лодку пришлю...

— Анечка, сегодня у нас в кино «Донецкие шахтеры»!

— Аня, а может быть, мы вместе пойдем в клуб?..

Наше знакомство началось по телефону. Мне понравился анин голос, и я различал его среди других голосов сменных техников. А это было не так просто. Три девушки, три подруги-сверстницы из одной казачьей станицы, вместе учились в техникуме, а теперь вместе работали на подстанции. Когда я впервые пригласил Аню придти к нам на земснаряд, она немного подумала, потом, засмеявшись, сказала:

— Хорошо, мы придем втроем. Интересно, кого из нас вы назовете Аней?

Как бы вы поступили, увидев трех молоденьких девушек, из которых каждая по-своему хороша? Примите во внимание, что у каждой в глазах смешинка. И я прекрасно понимал: если ошибусь, девушки прыснут со смеху. Очень мне этого не хотелось. Так начинать знакомство нельзя.

— Здравствуйте, девушки! — сказал я, подойдя к ним.

И, когда услышал ответные приветствия, тотчас же узнал Аню по голосу. Ей это было приятно, она даже чуть покраснела.

Ну как вам рассказать об ее внешности? Северянин прежде всего обратил бы внимание на загар, но у нас, на юге, к этой смуглости привыкли, она здесь врожденная. Густые черные волосы, заплетенные в тяжелую косу? Но и в этом не было ничего замечательного. Может быть, взгляд, в котором перемешались и настойчивость, и лукавство, и какая-то грусть? Пожалуй, только после того, как мы расстались, я стал вспоминать все это, заново оценил и тяжелую черную косу, и взгляд, и даже знакомую смуглость... Но в то время я мало что мог различить и только любовался Аней и слушал ее.

Мне очень хотелось нравиться Ане. А чем я мог ей понравиться? Я немногим старше ее, и у меня нет интересного прошлого, о котором можно было бы рассказать и которое бы ее удивило и привлекло ко мне. Если бы я был участником Отечественной войны! Но в то время я учился в средней школе далеко в Сибири... Если бы я мог рассказать, как строил домны Магнитки, или первую улицу в Комсомольске, или Днепровскую плотину!. Но все это было молодостью моих родителей. Моя жизнь только начиналась. И нужно было жить так, как жили отцы и старшие братья.

Если у меня когда-нибудь будет сын, то пусть и он в молодые годы идет по этому единственно верному пути. А о Цимле, Каховке, Волго-Доне он узнает по нашим рассказам. Это наша молодость, гордость нашего поколения.

Мы с Аней очень быстро поняли друг друга. Иногда даже сами удивлялись, как это можно, не сговариваясь, думать об одном. Бывало, я что-нибудь скажу, а Аня в ответ: «Я только что об этом думала...»

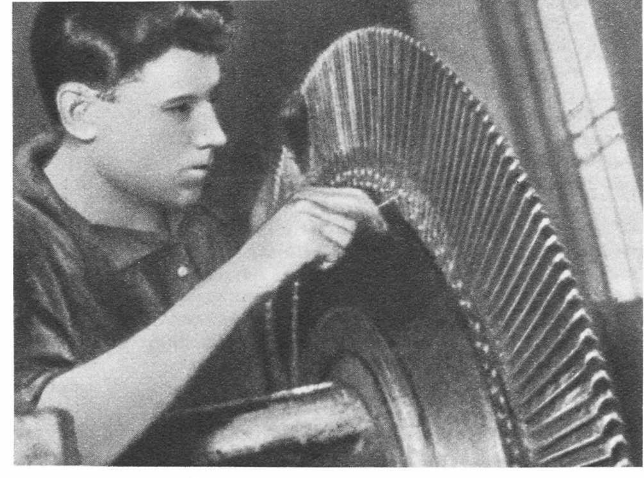
Между прочим, Аня и я — люди очень разные. Я человек порывистый, для меня хорошая минута часа стоит. Аня лучше, чем я, соразмеряет свои усилия. Она семь раз примерит, один раз отрежет. Я в своих мечтаниях иногда заношусь «на луну» и без таких мысленных полетов не могу жить. Аня глубже меня чувствует радость в каждом простом деле и без тревоги ждет «исполнения желаний». Казалось бы, целая пропасть лежит между столь разными натурами. Но, видимо, чем сильнее любовь, тем большее расстояние она преодолевает. Мы были очень счастливы, когда признались в этом друг другу.

О чем только мы не говорили, встречаясь, какие только смелые планы не возникали у нас, как спорилась работа!.. Даже короткий утренний привет по телефону приобрел для меня особый смысл.

Но вскоре нам пришлось разлучиться. Цимлянская электростанция была выстроена. Аня перешла работать в управление ГЭС. Наш земснаряд получил назначение на новую стройку.

Кто хоть раз испытал расставание, тот знает, как это больно. Я горячо убеждал Аню уехать

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТРАНИЦЫ ЖУРНАЛА

Снимок 1931 года. Обработка ротора турбины в 24 тысячи киловатт.

5. ТУРБИНЫ МИРА

В июле 1931 года Ленинградский завод имени Сталина решал сложнейшую для той поры техническую проблему: готовилась к выпуску гидротурбина в 24 тысячи киловатт. В печати ее называли гигантской. И это было справедливо, ибо она была почти в три раза мощнее всех вместе взятых 26 турбин, которые царская Россия смогла выпустить за десять предреволюционных лет.

Где сейчас эта турбина? Продолжает честно нести службу на одной из многих наших гидростанций. А модель ее можно видеть в заводском конструкторском бюро, где стоят шкафы с гнездами. В этих гнездах модели гидравлических турбин, когда-либо выпущенных заводом, начиная от малютки в 600 киловатт и кончая современными великанами.

Здесь Днепровская, которая в соревновании с машиной, сработанной американцами, одержала верх и по силе, и по прочности, и по красоте своих внешних форм. Здесь Цимлянская, которая славится необычайно высоким коэффициентом полезного действия. Сюда поставили недавно модель турбины, предназначенной для Горьковской ГЭС. И уже приготовлено место для модели уникальной, не знающей себе равной в мире машины в 200 тысяч киловатт. Это Куйбышевская! И такая же будет Сталинградская.

Высота такой турбины вместе с генератором равна примерно высоте здания гостиницы «Москва». Мощность — три волховские гидростанции. Все управление автоматическое: как только турбина отклонится от нормального режима, автомат тотчас же «призовет ее к порядку».

Построить Куйбышевскую — это значит решить задачу, которую никто никогда еще даже не пробовал решать. Но такая задача по плечу заводу, который недавно удивил весь мир, построив паровую 150-тысячную турбину; заводу, который не так уж давно считал для себя выпуск машины в 24 тысячи киловатт сложнейшей проблемой, а ныне достиг высот техники...

Обработка цилиндра турбины мощностью в 100 тысяч киловатт.

со мной на новостройку. Но на все мои слова Аня отвечала только одно:

— Если наше чувство настоящее, оно сохранится и окрепнет в разлуке.

И уже совсем на прощанье сказала:

— Я верю, что придет день, когда мы будем вместе.

— Когда, Аня?

Она помолчала с минуту, потом улыбнулась:

— Ты узнаешь об этом: я пришлю тебе привет из Цимлы. И, если тогда ты меня будешь любить так же, как сегодня, я приеду к тебе.

Теперь вам, наверное, понятно, какие особые причины заставили меня тосковать по Цимле. И с дежурным техником я поругался только потому, что мне хотелось услышать анин голос.

Совет комсорга «взять себя в руки» подействовал на меня. Разлука, как я теперь понимаю, воспитывает человека, учит сдерживать свои порывы, учит терпению, больше изучаешь себя и людей, больше ценишь то хорошее, что дала тебе жизнь. Мы с Аней не раз говорили об этом в письмах...

Больше я не задавал ей вопроса, когда мы будем вместе...

Но часто, оставшись наедине с самим собой, вспоминал наш прощальный разговор. «Я пришлю тебе привет из Цимлы...» Что означала эта фраза? Мне не хотелось спрашивать об этом Аню. Хотелось понять самому. Когда-то я узнал Аню по голосу. Неужели же сейчас не угадаю ее привета?

Однажды утром я, как всегда, пришел в багерскую, чтобы заступить смену. Позвонил по телефону на подстанцию:

— Запускаю главный двигатель...

— Можно,— ответил дежурный техник и неожиданно для меня прибавил: — Ну, багер, принимай сегодня привет из Цимлы.

— Привет из Цимлы? — Я был настолько не подготовлен услышать эту знакомую фразу от чужого человека, я был так удивлен, что переспросил еще раз: — Привет из Цимлы? Ты откуда знаешь?

Но время рабочее, дежурному технику некогда было со мной разговаривать, и он только сказал:

— Скоро все об этом узнают...

Привычным движением я дал команду «включить главный двигатель». Раздался знакомый шум мотора, фреза послушно врезалась в грунт...

Признаюсь, что две — три минуты я работал совершенно машинально и только затем взял себя в руки. На этот раз мне это удалось с трудом. Невольно я повторил про себя: «Привет из Цимлы... Скоро все об этом узнают...»

— Простое совпадение,— сказал я себе наконец.— Дежурный техник не может знать о моем разговоре с Аней и, конечно, имеет в виду что-то совсем другое. Но что именно?

Если бы можно было сейчас очутиться в Цимле, спросить Аню! В этот момент я мысленно увидел ее в большом зале управления электростанции, за пультом, видел ее лицо, ее улыбку, озаренную ярким светом любви. Свет этот приходит, преодолевая любое расстояние...

И в то же мгновение я понял анин привет. Честное слово, я забыл, что нахожусь один в багерской и громко крикнул:

— Привет из Цимлы, товарищи! Сегодня ее энергия пришла к нам на строительство, ко мне в багерскую, и к тебе, Леша, на экскаватор, и к тебе, Маруся, на башенный кран... Цимла вместе с нами строит новую ГЭС!..

В тот день у нас был большой праздник. Еще раз мы добрым словом вспомнили Цимлу. Не так давно наш земснаряд строил Цимлянскую ГЭС. Она отплатила нам сторицей. И это рождало в нас новую гордость.

А я праздновал вдвойне этот день. С этого дня я уже стал готовиться к встрече с Аней. Вы не знакомы с моей женой? Она работает на нашей подстанции техником в смену с тем самым, с которым я когда-то поругался. Больше мне его голос не кажется ни прокуренным, ни простуженным..

Ну, вот, собственно, и вся моя личная история. Теперь вы, наверное, поймете, о чем я думал, слушая лекцию известного ученого-энергетика. Он говорил о том времени, когда все электростанции Советского Союза будут соединены одной высоковольтной сетью, об «общем котле». Все это так. И время это не за горами... Но представьте себе наш земснаряд лет, скажем, через пять. Мы уже будем на новой стройке. Раннее утро, я за своим пультом включаю главный двигатель. И если в этот день к нам придет энергия ГЭС, которую мы строим сегодня, я непременно узнаю ее, даже если она придет из «общего котла»...

6. СТАЛИНГРАДСКИЙ ПЕРВЕНЕЦ

Под этим снимком можно было и не ставить подписи. Вся страна следила за строительством Сталинградского тракторного. И когда на обложке «Огонька» появилась эта фотография, она была понятна без объяснительного текста: первый трактор!

Да, первый из тех сотен тысяч, которые пришли в последующие годы на колхозные поля.

Пусть он еще не очень силен и красив. Но все-таки это родоначальник той великой династии тракторов, самыми молодыми и самыми могучими представителями которой являются вот эти красавцы-электротракторы, работающие на полях Рязанской области.

Уже создаются на Северном Кавказе, на Украине электроМТС. И когда-нибудь снимок, изображающий выход в поле первого электротрактора, будет такой же редкостью, как первый, донесший до нас торжественный и радостный момент рождения сталинградского первенца.

Подмосковье

Сергей СМИРНОВ

Бабье лето

Пусть называют кузницей здоровья
Места на черноморском берегу,
А все равно
целебней Подмосковья
Я ничего представить не могу.

Еще земля достаточно согрета,
Но под усталым солнцем на ветру
В цветном платочке
бродит бабье лето
И на урок торопит детвору.

Здесь воздух лучше всякого бальзама.
На хвойных кочках муравьи кипят.
И дятел
шлет кому-то телеграмму
О том, что наступает листопад.

Летят грачи, подобно листьям черным.
В лесу обосновалась тишина,
Ни пеньем птиц,
Ни пионерским горном
Теперь не нарушается она.

И журавли
на юг уходят клином.
Как жест прощанья, каждый взмах крыла.
И чувствуется в крике журавлином,
Что и для птиц чужбина тяжела...

Да разве можно не любить вот эти
С военных лет знакомые места,
Где ты
за каждый кустик был в ответе?..

И вот чужая каска у куста.
Здесь выходец из западной державы
Бесславно завершил свою судьбу:
Осталась каска,
словно череп ржавый,
Со снайперской пробоиной во лбу...

В низинах частый ельник да болота,
А на холмах березы и дубы.
Какое тут раздолье для охоты,
Для утренних походов по грибы!

В полях стога высокие, как зданья.
Щетинится бескрайнее жнивье.
Лишь озимь
не подвластна увяданью,
И молодостью веет от нее.

Да на току под шиферною крышей
Девчата сортируют урожай.
И чуть ли не на всю округу слышен
Шоферский бас:
«Полнее нагружай!»

Идешь, тебя приветствуют синицы.
Красуется рябина, как заря,
И кажется,
вот-вот воспламенится
Лесной простор от красок сентября.

И вот гляжу — не в силах наглядеться!
И вдруг: «Ау-у!..»
А где, и не пойму...
И сразу,
будто собственному детству,
Невольно откликаешься ему...

На охоте

Хорошо сойти на полустанке
И с ружьем направиться туда,
Где стоят березы-северянки
Да бежит по просекам вода.

Мелкий дождик падает на ветки,
Капли осыпаются кругом,
А листва немыслимой расцветки
Шелестит под мокрым сапогом.

Смотрят в землю два ружейных дула,
Тщательно проверено ружье.
Вдруг собака носом потянула,
Артистична тактика ее.

Семенит, крадется тише, тише,
Встала, замерла, как напоказ.
И тогда,
быстрей летучей мыши,
Наутек бросается бекас.

Сразу — гром с обочины дороги.
Эхо отзывается:
«Ба-бах!..»
Твой слуга, твой друг четвероногий,
Тут как тут
с добычею в зубах...

Если ты
ударишь мимо цели,
Так и быть, пускай живет она!..

Хорошо
Под ровный шум капели
Набродиться чуть не допьяна!
Хорошо
растратить все патроны,
У костра погреться час — другой
И вернуться к сонному перрону
Со своим
талантливым слугой!

Страсть особая одна

Пусть сидит с горящим взглядом
На рыбалке рыболов.
Пусть охотник где-то рядом
Сеет гром из двух стволов.

Есть еще на белом свете
Страсть особая одна.
От нее
отцам и детям
Даже ночью не до сна.

Чуть рассвет, вокруг ни звука,
Ты уже с кровати слез;
Нож — в карман,
Корзину — в руку,
Дверью — хлоп
и мчишься в лес.

Не войдешь без интереса
В царство елок и берез.
«Эй, грибы,
красавцы леса!
Где вы скрылись? Вот вопрос».

В красных шляпах мухоморы
Вызывающе стоят.
Их сшибаешь без разбора:
Мухоморы — это яд.

Ничего не видно рядом,
А присмотришься —
и вдруг
Подберезовики стадом
Появляются вокруг.

Возле трепетной осины
Поглядишь — и рад душой:
Так и просится в корзину
Подосиновик большой.

Начинаешь делать петли,
Ищешь, думаешь о том:
«Ну-ка, здесь грибочка нет ли
Или вон под тем кустом?»

И с улыбкой скажешь:
«Вот он!»
А среди листвы рябой,
Как на выставку сработан,
Белый гриб перед тобой.

Тут подход простого проще:
Приседаешь, не спеша,
И еще берешь на ощупь
Три — четыре крепыша...

Есть у этого народца
Заповедные места.
То возьмет и соберется,
Где трава, как лес, густа,

То возникнет в темной чаще
И раскинет лагерь свой
Или в роще шелестящей
Притаится под листвой...

Грибнику спешить не надо,
Кто не знает, объясним:
Гриб не любит верхогляда
И не водит дружбы с ним.

Про такого гражданина
Где угодно каждый раз
Содержимое корзины
Говорит
яснее фраз:

Что ни гриб,— старье с червями
И системой корневой.
Полюбуйтесь:
перед вами
Верхогляд как таковой...

Нет, грибник не поленится
Срезать гриб,
а завтра тут
При содействии грибницы
Вновь красавцы нарастут.

И к любому делу надо
Подходить наверняка,
Не с душою верхогляда,
А с уменьем грибника!..

И когда грибник устало
Покидает темный бор,—
Тяжела корзина стала,
В ней грибы, как на подбор.

И любуешься на это
И торопишься домой...

И грибным
букетом лета
Пахнет в комнате зимой.

Поэзия молодости

За последние годы появилось немало книг о советском студенчестве. Действие в них происходило в разных городах, в разных институтах. Но главным героем произведений всегда был недавний фронтовик, человек, которому пережитое и увиденное в годы войны позволило стать одним из зачинщиков борьбы за новую, передовую науку. Студенты же, пришедшие в институтские аудитории прямо со школьной скамьи, являлись в этих книгах фигурами, так сказать, аккомпанирующими главной или даже просто эпизодическими.

В повести Елены Успенской «Наше лето», посвященной жизни студентов-биологов, дело обстоит как раз наоборот. Главные герои книги — это именно «зеленая молодежь», которая пороха и не нюхала. О многих из них можно сказать, что они веселят нас «своим беспечным щебетом, тревогами, волнениями, детской влюбленностью в свое дело» так же, как профессора Лопатина, который про себя зовет их «чижиками».

Действие повести происходит во время летней студенческой практики.

Свежий глянец молодых листьев, незатейливые и в то же время совершенно разные веселые птичьи песенки, юные, тонкие веточки, ненадолго оттянутые к земле тяжелыми дождевыми каплями и потом легко взмывающие вверх, — все это чудесно перекликается с повествованием о складывающихся человеческих судьбах, о том, как растет привязанность к своей будущей профессии, о радости и печали первой любви.

Е. Успенской настолько удалось передать обаяние молодости, что ей не было нужды прибегать к искусственной поэтизации происходящего. Повесть написана с тем подлинным лиризмом, который не рассыпается от введения самых, казалось бы, далеких от поэзии деталей.

И нас никак не ошарашивает, когда мы видим глазами профессора Лопатина студентку Варю Бережкову такою: «Варя трусила рядом с ним и молчала. Пушистые волосы гривкой разлетались в стороны. Глаза грустные. «Жеребенок,— нежно подумал Федор Федорович,— абсолютный жеребенок».

И право, с той же нежностью наблюдаешь трепетное варино отношение к раскрывающемуся перед нею лесному миру, ее горькое недоумение перед черствостью и равнодушием чиновников от науки, ее затаенную влюбленность в Никиту Орехова!..

Образ Никиты тоже является в повести первостепенным. Этот юноша удивительно целен в своих увлечениях, он упорно и методично добивается намеченного. Выходец из деревни, он приходит на биологический факультет с заранее обдуманной целью: избавить колхозные поля от мыши полевки.

Он так изучил все повадки этого своего врага, что после первого же разговора с ним профессор Лопатин поставил восторженный диагноз: «Он — биолог от рождения, как поэт».

Трудное время переживает Никита, влюбившись в избалованную и пустую Аллу Иртышову, дочь известного авиаконструктора.

«Ты все перепутал, — горячо и горько говорит ему отец Аллы. — Свои мысли, свою радость, Москву, картины, музыку перепутал с ней. Ты дурак, понимаешь? То есть ты очень умный парень, но в этом вопросе ты дурак. Какая она тебе жена?»

Вскоре Никита слышит, как эта девушка беззастенчиво обсуждает с подругами свои отношения с ним. И когда Алла, почувствовав, что Никита стал избегать ее, спросила его: «Ты меня разлюбил?» — он ответил: «Еще нет, но я тебя обязательно разлюблю».

Много разных событий происходит за время студенческой практики! Еще недавно Юра Дождиков «тяжело переносил» серьезное настроение и вызвал своим легкомыслием гневный и ехидный совет Лопатина «перейти в балет, на подставку». Еще недавно комсорг Любушка с начальственным апломбом советовала однокурсникам не заниматься не своим делом и не вмешиваться в споры о направлении советской биологии.

И кто бы подумал, что вскоре Юра Дождиков всерьез займется изучением совят, а потом окажется «главой целого семейства»: станет выкармливать осиротевших птенцов жаворонка, ревниво охраняя свои «родительские» права!

Да и Любушка во многом утратила свою самоуверенность и готовность всех поучать.

В ту пору, когда происходит действие повести, биология являлась одним из «театров военных действий», ведшихся между передовыми учеными и вейсманистами-морганистами. Последние (этот лагерь представлен в повести профессором Шумским и деканом Хрустом) долгое время стояли во главе факультета и всячески преследовали инакомыслящих, вроде профессора Лопатина.

«В этот период,— саркастически замечает автор,— на факультете наблюдалось странное явление: некоторые слова потеряли свой первоначальный смысл, и возникла новая терминология. Так, например, перестало существовать слово «мнение». Если ход мыслей того или иного профессора или научного работника не совпадал с ходом мыслей руководства, то это называли уже не мнением и не научной гипотезой, а «ошибкой». Возражения, если они были адресованы Шумскому или его коллегам, назывались по новой терминологии не обсуждением и не научной дискуссией, а «выпадом».

Это очень точная характеристика существовавшего «аракчеевского режима», с которым несовместимо творческое, плодотворное развитие советской науки.

Некоторые слабые духом ученые поддались давлению захвативших многие административные посты вейсманистов-морганистов и поколебались в своих научных воззрениях. Таков в повести Е. Успенской друг Лопатина профессор Шаров.

Однако и в студенческой среде и среди преподавателей созревало сознание порочности и бесплодности той дороги, которой хотели повести науку шумские и хрусты. Поэтому лекция о генетике, прочитанная для практикантов ассистентом Шумского, привела к прямому столкновению студентов с руководством факультета.

Взбешенные, Хруст и Шумский приняли решение об увольнении Лопатина и преподавателя диалектического материализма Чебреца, объявили грозный выговор секретарю партийной организации «взбунтовавшегося» курса Громаде.

Но их торжество было недолгим. Через несколько дней на сессии ВАСХНИЛ вейсманисты-морганисты потерпели полное поражение.

Такова канва событий повести, относящихся к этому важнейшему в развитии советской науки этапу. Нельзя, однако, не заметить, что эта часть книги куда менее запоминается, чем обыденные, хотя тоже тесно переплетенные с большими проблемами (например, с созданием лесополос) будни студенческой практики. Образы Шумского, Хруста, аспиранта Белевского, подленького перебежчика из одного лагеря в другой, смотря по тому, какой из них берет верх, и — в значительной мере — Шарова, а с другой стороны, Чебреца, Громады и бывших фронтовиков Степана и Кати не достигли еще в повести той рельефности, которая придала бы их столкновению подлинный драматизм.

Это тем более досадно, что, рисуя фигуры, занимающие в книге значительно менее важное место, писательница доказала, что она умеет немногими штрихами придать им жизненность и достоверность.

Рассказывая о том, как на колхозной звероферме стараются выходить первых лисят, которых пришлось отнять от матери, Е. Успенская метко и тонко передает душевное напряжение юных «опекунов», говоря, что девочка Шурка, «льстиво улыбаясь кошке, подложила под нее лисят».

Эта невольная льстивая улыбка выдает и шуркин страх, как бы кошка не отказалась кормить чужих детенышей, и ее мечты о благополучном исходе.

Не менее красноречивы и строки шуркиного журнала наблюдений за лисятами, где со скрупулезностью «выдержанного пятнадцатилетнего существа», старающегося строго зафиксировать все увиденное, повествуется: «При взлезании в клетку лисята поднимают головы и смотрят на взлезшего».

Многие страницы повести озарены авторской улыбкой. Вот пример наудачу. У ног Вари, обеспокоенной приближением зачетов, «тяжело шлепнулась лягушка. Заносчиво поглядела выпуклым глазом: «Не можете ли вы, девица, определить, какого я вида? Ридибунда или темпорария? А может быть, я вообще жаба? А?» С большим юмором рассказывается также о мальчике Борьке и о многих других героях.

Повесть «Наше лето» — несомненная удача Елены Успенской.

А. ТУРКОВ

Елена Успенская. Наше лето. Повесть. Альманах «Год тридцать пятый». Первая книга 1952 года.

7. ПОМОЩНИКИ ШАХТЕРА

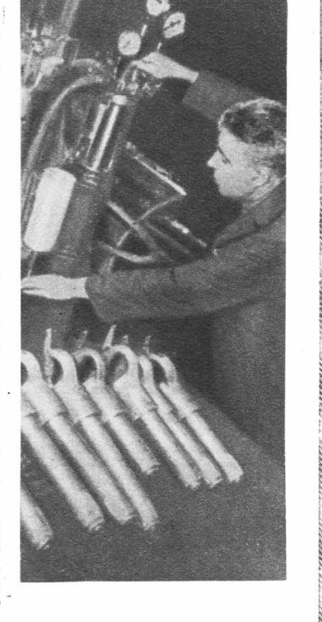
Вот пневматические молотки, изготовленные «своими руками, из своих материалов, своими машинами», как сказано в январском «Огоньке» за 1932 год.

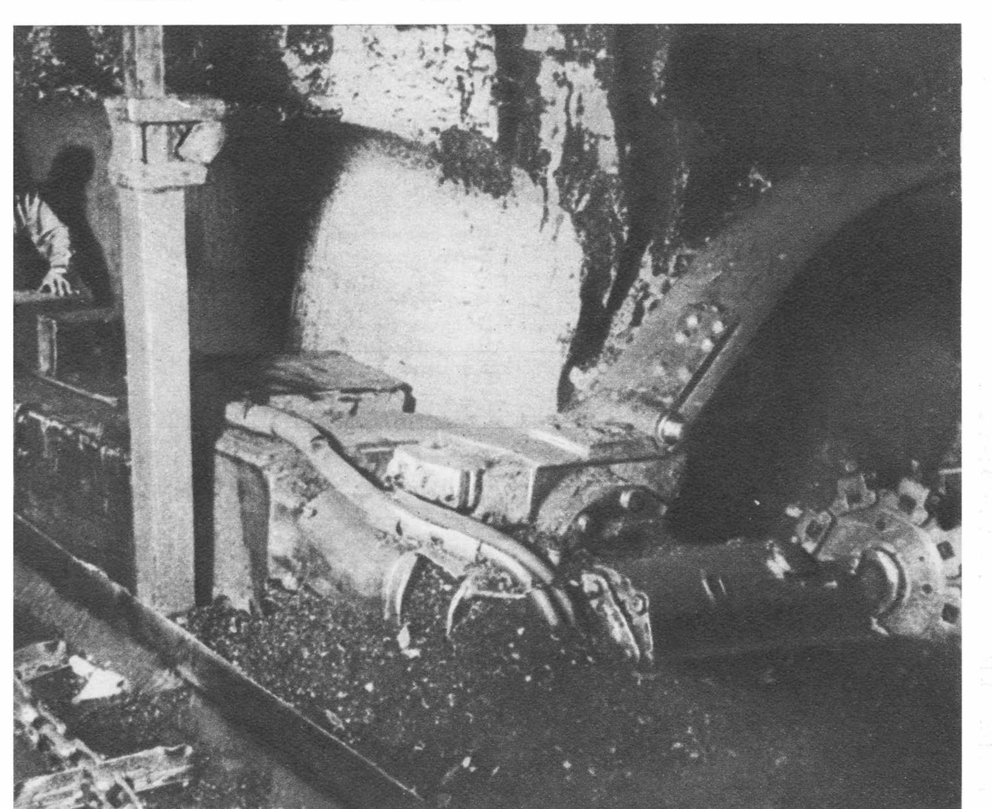
Славно поработал во многих шахтерских руках пневматический отбойный молоток, этот первенец и ветеран советской горняцкой техники. Но он уже давно не одинок. К нему присоединились, а кое-где и просто заменили его новые, более совершенные и могучие механические помощники шахтера — врубовые машины, комбайны.

Мы видим одного из таких помощников. Это горный комбайн «Донбасс» — машина, которая производит зарубку, отбойку и навалку угля. Машина, сделавшая ненужной тяжелую профессию навалоотбойщика, человека, который перебрасывал лопатой сотни тонн угля. Но куда же денется навалоотбойщик? Он становится машинистом угольного комбайна!

Точно так же изменится и профессия крепильщика. Уже проходят испытания механические крепи. Как только они войдут в строй, человеческие руки не прикоснутся к углю в течение всего процесса его добычи — от выемки и до погрузки в вагоны. Человеческие руки будут только управлять машинами...

Вот почему мы с таким уважением смотрим на первые пневматические молотки, положившие начало чудесному преобразованию шахтерского труда.

В. И. ЛЕНИН и И. В. СТАЛИН В ШТАБЕ ОБОРОНЫ ПЕТРОГРАДА (1917 год).

Картина **В. М. Орешникова.**

ЮНЫЕ СТРОИТЕЛИ.

Фотоэтюд **Б. Уткина.**
Из снимков, поступивших на конкурс «Огонька».

По долинам и по взгорьям...

Н. ВОЛКОВ

Приближалась осень 1927 года — десятилетие Великого Октября. В Москве, как и во всей стране, театры готовились ознаменовать юбилейными спектаклями торжественную дату. С репертуаром было трудно. Обратились к инсценировкам. Московский Художественный театр вместе с Вс. Ивановым инсценировал его партизанскую повесть «Бронепоезд 14-69»; театр имени МГСПС создал драматическую композицию «Мятежа» Дм. Фурманова. Только театр имени Вахтангова получил от Б. Лавренева его новую драму — «Разлом».

Все три драматических произведения объединяла общая тема. Это были страницы гражданской войны. Каждая из пьес говорила в себе полноценное зерно реалистического искусства.

В «Бронепоезде», осуществленном под руководством К. С. Станиславского, театр стремился передать «при максимальной простоте страшную напряженность. Революция, бронепоезд, победа». Необыкновенная простота сочеталась с приподнятостью чувств. Грозное пылающее небо в пейзажах спектакля было основным фоном событий пьесы.

Дробь барабанов и звуки фанфар возвещали о начале представлений «Мятежа», поставленного Е. О. Любимовым-Ланским. Оркестр с трубами, повитыми кумачом, гремел в конце спектакля боевым маршем красных войск, уходящих в трудный поход.

«Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова в постановке Московского Художественного академического театра (1927 год). Васька Окорок — артист Н. П. Баталов.

«Мятеж» по роману Д. Фурманова в театре МГСПС (1927 год). Картина 1-я. Выбор делегации.

о том, как в жестокой борьбе рождался новый мир, как «тяжкий млат» революции дробил и разбивал вдребезги белогвардейские банды, «как закалялась сталь» борцов Октября.

Различны были места действия. В «Разломе» — Кронштадт 1917 года; в «Бронепоезде» — Дальний Восток; в «Мятеже» — далекое Семиречье. Тысячи километров лежали между дремучей тайгой, суровой Балтикой, зноем и песками Средней Азии, но всюду, как могучая симфония, звучала музыка революции.

Различно было и сценическое построение всех трех постановок, но при всех особенностях режиссерских толкований каждая несла В этом обрамлении эпизода гражданской войны, как монументальные фрески, выступали мастерски сделанные массовые сцены, в которых бурлило и кипело разбушевавшееся человеческое море.

В «Разломе», где главным действующим лицом является крейсер «Заря» (легендарная «Аврора»), где дан не только социальный разлом, но и отражение этого разлома в семье капитана 1-го ранга Берсенева, театр получал возможность передать накаленную атмосферу месяцев «от февраля до Октября». Режиссер спектакля А. Д. Попов лаконично, четко и остро разрешил отдельные моменты сценического действия. И когда в конце пьесы крейсер «Заря» брал курс на Петроград для помощи питерским рабочим в борьбе с Временным правительством и керенщиной и под звуки «Интернационала» полыхал красный флаг с датой 1917—1927 годов, зал восторженно рукоплескал.

Станиславский любил говорить, что актер в классических ролях должен «творить навеки, однажды и навсегда». В октябрьских спектаклях 1927 года ряд советских ролей был создан именно так — «навеки, однажды и навсегда». Как великолепные портреты, остались в галерее сценических образов «Бронепоезда» В. И. Качалов — мощный Никита Вершинин, Н. П. Баталов — легкий, жизнерадостный Васька Окорок, Н. П. Хмелев — простой, сосредоточенный и мудрый большевик Пеклеванов, трогательный Син Бин-у — М. Н. Кедров. А в «Разломе» таким умным и большим русским человеком был капитан Берсенев в изображении Б. В. Щукина, и мужественно-прекрасной запомнилась фигура матроса Годуна, которого играл В. В. Куза.

Прошло четверть века, но прочно и нерушимо вошли в историю советского театра три октябрьских спектакля 1927 года: «Мятеж», «Разлом», «Бронепоезд 14-69». И это понятно, ибо, говоря о прошлом, эти спектакли обращены были в будущее, ради которого шли в грозные битвы люди гражданской войны, бесстрашные и отважные борцы за власть Советов.

«Разлом» Б. Лавренева в Театре имени Евг. Вахтангова (1927 год). Сцена из II акта.

МОЙ СЛАВНЫЙ

Н. БОГОЛЮБОВ,
народный артист РСФСР

Впервые я приобщился по-настоящему к искусству в городе Рязани в 1921 году, будучи бойцом Красной Армии. Самодеятельный красноармейский театр показывал на площади, под открытым небом, агитационный спектакль «Великий Коммунар». Пьеса безымянного автора была посвящена событиям революции и завершалась взятием Зимнего дворца. Под конец в «дворцовом» окне появлялся рабочий и в рупор возвещал начало новой эры в истории человечества.

С того памятного дня прошло немало лет. И все эти годы постоянным моим спутником в сценической жизни оставался современник. Первая моя роль — рабочего, вестника революции,— открыла целую серию других ролей.

В фильме «Окраина» я играл роль Николая Кадкина. Был он простым сапожником, молодым парнем, призванным в армию и в годы первой мировой войны познавшим правду большевизма. Роль эта состояла из шести коротеньких эпизодов: Коля Кадкин впервые участвует в рабочей демонстрации; вот он мобилизован, одет в солдатскую форму, и его везут на фронт; Коля в момент атаки — он не торопится гибнуть за царя, а идет через окопы брататься; и, наконец, Колю Кадкина ведут на расстрел. Вот и все. Но в этих отрывочных эпизодах показано, как правда большевизма поднимает человека, как она превращает в героя скромного и малограмотного ремесленника...

Оглядываясь сегодня в памятное, полное творческих волнений прошлое, я с удовлетворением вижу, что в ролях, игранных мною на сцене и на экране, в мужественном облике советских людей по-своему отразились этапы истории нашей страны, истории побед коммунистической партии.

Сейчас уже мало кто помнит фильм «Крестьяне». В нем я исполнял роль начальника политотдела. Николай Миронович — так звали этого человека — был одним из организаторов коллективизации, опытным и страстным воспитателем, целеустремленным, чутким, отзывчивым большевиком. Знакомясь с биографией моего героя, я побывал в селах, беседовал со многими людьми, с большевиками, которым партия поручила дело строительства и укрепления колхозов, и постепенно передо мной возник прекрасный в своей простоте облик, чьи черты я попытался воспроизвести на экране.

В тридцатые годы вся страна восхищалась подвигами героев, вступивших в битву со стихиями: пересекавших ледяные просторы Арктики, знойные пустыни юго-востока, штурмовавших высоты стратосферы и подводные глубины. В те годы часто и взволнованно повторяли советские люди слова товарища Сталина, приветствовавшего замечательный пробег конников Туркменистана: «Только ясность цели, настойчивость в деле достижения цели и твердость характера, ломающая все и всякие препятствия, — могли обеспечить такую славную победу».

Запечатлеть в художественных образах эти качества стало задачей искусства. Всем нам страстно хотелось как-то отозваться и на славную эпопею челюскинцев, и на дерзкие перелеты через арктические льды, и на мужественные рейды конников через сыпучие пески безводных пустынь... Фильм «Семеро смелых», рассказавший о подвигах семерых комсомольцев на зимовке в Арктике, был первой попыткой в этом направлении. Илья Летников, руководитель зимовки, был центром, душой и сердцем этого маленького, но героического коллектива советских людей.

Снимаясь в роли Летникова, я много думал о том, что же отличает его от полярных исследователей прошлого. Ведь и они, несомненно, были смельчаками, ведь и они были патриотами, и они, отправляясь на свой страх и риск в неизведанные ледяные просторы, заботились о славе отечества. Они, как и Летников, верили, что люди оценят их самоотверженный труд. И все же разница существовала: их подвиги были дерзаниями одиночек; нередко щемящее чувство оторванности от мира подрезало крылья их мысли.

Летников и его друзья не знали этих сомнений. Маленький коллектив зимовки чувствовал себя неотъемлемой частицей всего советского народа.

Созидание — вот что определяет самую суть образа нашего современника на всех этапах его славного пути. Выступая против империалистической войны, как Николай Кадкин в «Окраине»; сражаясь за молодую Республику Советов, как старшина Бушуев в пьесе Всеволода Вишневского «Последний решительный»; вовлекая крестьян в колхозный труд, как Николай Миронович; проникая в тайны Арктики, как Илья Летников, мои герои созидают новый мир, мир социализма.

Именно эта тема созидания выступает и в образе Шахова в фильме «Великий гражданин». За Шаховым всем участникам создания этой картины виделся прекрасный облик Сергея Мироновича Кирова, пламенного трибуна коммунистической партии, верного соратника товарища Сталина. Но мы не стремились тогда создать точный кинопортрет Кирова. Мы добивались другого: нам хотелось прежде всего добиться внутреннего, духовного сходства, раскрыть в характере Шахова кировское понимание жизни.

Шахов — собирательный образ большевика-руководителя, вожака народных масс, человека широкого кругозора и смелого провидения, подлинного героя Сталинской эпохи.

Труд Шахова — неутомимый, беспокойный, а вместе с тем радостный и счастливый — воплощал в себе труд целого поколения советских людей, поднявшихся на леса многочисленных строек сталинских пятилеток. Мечта Шахова стала мечтой народной. Вот почему роль Шахова, позволявшую наиболее полно и широко раскрыть природу трудовых подвигов советского человека, я считаю самым большим событием на моем актерском пути.

Когда много позднее, в военной драме Б. Чирскова «Победители», я играл роль генерала армии Муравьева, полководца сталинской школы, мне все время вспоминался большевик-созидатель Шахов. Думалось тогда: война — профессия Муравьева, дело всей его жизни, войне посвящены его мысли, знания, силы; но главная причина победы Муравьева — это все та же воля к созиданию, которую нес в себе Шахов. Принимая ожесточенный натиск врага на территории разрушенного советского города, который Муравьев еще так недавно видел полным кипучего труда, мужественный полководец верит: победа избавит народ от горя и страданий, вернет людям счастье созидания. На месте руин снова встанут еще более величественные творения.

И если в каждом из моих довоенных героев неизбежно находили отражение черты времени, то в образе Муравьева сказалось главное стремление всего

Кинофильм «Крестьяне». Слева — начальник политотдела Николай Миронович (Н. Боголюбов).

Кинофильм «Семеро смелых». Илья Летников (Н. Боголюбов).

СПУТНИК

советского народа в годы Великой Отечественной войны — отстоять честь и независимость родной страны, отстоять великую и реальную мечту человечества — мечту о коммунизме.

С этой мечтой жили и другие мои спутники и друзья: геолог Штокман в фильме «На Дальнем Востоке», командир дивизиона Кондратьев в спектакле «Офицер флота», Александр в фильме «Клятва», летчик в фильме «Небо Москвы», доктор в фильме «Парень из нашего города»... Они защищали Москву, Ленинград, Сталинград, они искали под землей залежи полезных ископаемых, они спасали человеческие жизни.

С этой мечтой живут и сегодняшние мои спутники. Парторг депо Кремнев в «Зеленой улице» А. Сурова оттого и принципиален, оттого и дальновиден, что в основе его характера — беззаветная преданность народному делу, непоколебимая убежденность в торжестве коммунизма. Инженер Макеев в «Чужой тени» К. Симонова — человек кипучей жизнедеятельности, сердечный и простой, сильный и проницательный, полон оптимизма, светлой уверенности в правильности исторического пути, избранного партией и народом.

О ролях, которые мне доводилось играть, я часто думаю, как о встречах с живыми лицами. Давно расстались мы с Николаем Мироновичем, но когда я вспоминаю о нем, мне представляется, с какой сдержанной и гордой радостью проходит он сегодня по улице преображенного колхозного села. Комбайны плывут по просторам полей, темнозеленой грядой протянулись лесозащитные полосы, оросительный канал сверкает под мостом шоссейной дороги. Вечерами в окнах вспыхивает электрический свет, слышатся звуки радио.

С Ильей Летниковым я мысленно встречаюсь в большом полярном порту; полной и напряженной жизнью живет Арктика, покорившаяся руке советского человека. Ледоколы ведут по ее морям караваны судов. Самолеты привычными рейсами пересекают ее снежные дали. В глухой тайге растут города, возникают предприятия, налаживается вполне нормальный, уже не требующий героизма трудовой быт. И Летников, конечно, счастлив: разве не во имя этой цели он и его друзья некогда переносили лишения в суровом заполярном краю?

Товарищ Шахов погиб от вражеской руки. Но пуля наемника, прервавшая его жизнь, оказалась бессильной умертвить мечту Шахова. В ровном ритме нашей великой стройки слышится биение благородного сердца славного большевика. По воле партии меняют русла реки, встают над Москвой силуэты высотных зданий, раскрываются сверкающие новизной стадионы, возникают под землей мраморные дворцы, освещают ночь новые домны — так торжествует созидание.

И генерал Муравьев видится мне идущим по той улице Сталинграда, которая названа улицей Мира. Он счастлив: город военной славы возродился в невиданной красоте.

Мой спутник живет в эпоху, когда сбываются все чаяния, оправдываются все надежды. В готовящемся сейчас новом кинофильме режиссера Ф. Эрмлера (сценарий Б. Чирскова) мне предстоит играть роль директора завода гидротурбин Голованова. Наши съемки велись на заводах Ленинграда и на Цимлянском море. Первенец великих строек коммунизма — Волго-Донской водный путь — предстал перед нами во всем величии осуществленной мечты народа.

Прекрасен удел художника в нашей стране, где реальность опережает самые дерзкие замыслы, где сама действительность рождает образы, способные стать содержанием волнующего искусства.

Кинофильм «Великий гражданин». Шахов (Н. Боголюбов).

Начальник дороги Кондратьев (народный артист РСФСР С. Блинников) и парторг Кремнев (народный артист РСФСР Н. Боголюбов). «Зеленая улица» А. Сурова на сцене Московского Художественного академического театра.

Народный артист РСФСР Н. Боголюбов в роли генерала армии Муравьева. «Победители» Б. Чирскова на сцене Московского Художественного академического театра.

В Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского. Профессор В. Ф. Любченко (в центре) со своими учениками: слева — Марк Решетин, справа — Олег Далецкий. Второй слева — старший преподаватель И. В. Назаренко.

Фото О. Кнорринга

ЭКСПЕДИЦИИ ЗА ГОЛОСАМИ

На протяжении ряда лет Московская государственная консерватория направляет бригады своих педагогов в разные уголки страны на поиски одаренных певцов — новых пополнений высшей вокальной школы.

— Где мы только не побывали,— говорит бессменный участник этих «экспедиций за голосами» старший преподаватель консерватории, известный певец Гуго Тиц,— в Киргизии и Крыму, в Красноярском крае и Ставропольщине, в Днепропетровской области и Молотовской, в Новосибирской и Сумской, в Узбекистане и в Донбассе, в Полтаве и Астрахани, Иванове и Орле...

Трудно перечислить все города, в которых опытные музыканты чутко и настороженно прислушивались к звучанию молодых теноров и баритонов, сопрано и басов, контральто и меццо...

В Краснодаре на подмостки вышел Марк Решетин — помощник машиниста Тихорецкого депо. Непринужденно и просто, не напрягая голоса, он спел «Славное море, священный Байкал». Слушали его московские гости Гуго Тиц и дирижер А. Шерешевский. Перед ними был один из тех певцов-самородков, которыми так богат русский народ.

Ныне Марк Решетин — студент второго курса вокального факультета, сталинский стипендиат. Под руководством заслуженного артиста республики В. Любченко он с успехом подготовил недавно партию Собакина в «Царской невесте». Сейчас Решетин разучивает партию Старшины, которую ему предстоит исполнить в учебном спектакле «Молодая гвардия» на сцене оперной студии консерватории.

Партию Олега Кошевого в этой постановке будет петь узбек Асад Азимов, студент пятого курса. Его богатый по диапазону тенор также был обнаружен одной из «экспедиций» консерватории в 1947 году в Андижане. В дни недавней декады узбекской литературы и искусства Азимов исполнил в заключительном концерте песню индийского гостя из оперы «Садко». Народный артист Советского Союза И. С. Козловский, один из лучших исполнителей этой арии, находился в зрительном зале. Он прошел за кулисы и горячо пожал руку Азимову: то был знак благодарности и признания большого таланта.

Около четырех тысяч голосов прослушали за пятилетие члены бригад консерватории. Они отобрали до восьмидесяти молодых певцов и певиц, которые ныне с успехом учатся в консерватории. Одни, как Асад Азимов, уже близки к завершению учебы и скоро будут солистами оперных театров и филармоний. Другие, как, например, принятые на учебу в этом году из Таджикистана артистка Х. Мавлямова, дочь рабочего, и воспитанник интерната К. Маминов, только начинают трудную школу мастерства. И все они окружены тем огромным вниманием, которое уделяет Родина способным, талантливым людям, своим сынам и дочерям.

И. САХАРОВА

Юбилей сельского актера

Украшенная лозунгами автомашина, только что подъехавшая к стану, быстро превращается в сцену. Агитбригада Воронцово-Александровского дома культуры выступает с концертом. Льются звуки баяна, несутся над степью задушевные народные песни.

Ведущий программу объявляет:

— Сцена из «Майской ночи» Н. В. Гоголя. Роль писаря исполняет Петр Васильевич Кобыляцкий.

Перешептываются зрители:

— Поговаривали, что нездоров старик, а вот он, приехал. Крепок еще, хоть ему и под шестьдесят.

А как играет! Будто не Петр Васильевич вышел на сцену, а появился на ней, неведомо откуда, сам гоголевский писарь. Лицо его расплылось в сладенькой улыбке, щурятся с хитринкой глаза, он прищелкивает языком и морщит нос, угощаясь горилкой...

Концерт окончился, колхозники окружают участников самодеятельности, благодарят их. После недолгих сборов агитбригада отправляется на соседний полевой стан.

Первая страница сценической биографии П. В. Кобыляцкого открылась сорок лет назад в родной деревне. Здесь его видели в любительских спектаклях в облике опустившегося провинциального актера Шмаги, озлобленного, страдающего от унижений Незнамова («Без вины виноватые» А. Н. Островского)... Односельчане гордились своим артистом.

В годы гражданской войны Кобыляцкий создает в Воронцово-Александровском и соседних селах агитбригады, драматические кружки, привлекает сельскую молодежь в струнный оркестр и Ансамбль украинской песни и пляски. С такими же энтузиастами народного творчества он из года в год ставит спектакли, ездит с концертами по селам и хуторам, выступает в клубах, избах-читальнях, школах, а то и под открытым небом.

Сцена из спектакля «Майская ночь» по Н. В. Гоголю. В роли свояченицы — М. Д. Ерещенко, в роли писаря — П. В. Кобыляцкий.

Фото В. Жильцова

Более семидесяти ролей сыграл Кобыляцкий на сельской самодеятельной сцене. Среди них — Любим Торцов, Разоренов и другие в пьесах А. Н. Островского, экзекутор Яичница в гоголевской «Женитьбе», Терентий Бублик в «Платоне Кречете» и Архип Вакуленко в «Калиновой роще» А. Корнейчука, Прохор в «Вассе Железновой» и Лука в «На дне» М. Горького.

Сорокалетний свой юбилей Петр Васильевич отметил созданием образа колхозного бригадира Мукосеева в пьесе Н. Дьяконова «Свадьба с приданым». Коммунист Кобыляцкий сам был участником коллективизации, на его глазах выросли и окрепли колхозы и в дома крестьян пришло изобилие. Образ Мукосеева ему родной и близкий, и он сыграл его блестяще. Полеводы, комбайнеры, трактористы, животноводы горячо аплодировали старейшему сельскому актеру, который уже четыре десятилетия несет народу свое искусство.

Ан. ВОЙНИЛОВИЧ

Студия во Дворце культуры

В художественных студиях заводских клубов можно встретить квалифицированных рабочих, инженеров, техников, домохозяек...

Одна из таких студий работает уже долгие годы в выборгском Дворце культуры имени С. М. Кирова.

Сегодня обычный день занятий. Студиец А. Никитин продолжает работу над картиной «И. В. Сталин в бакинском подполье». Художник перечитал воспоминания старых рабочих, знакомился с материалами о жизни рабочих тех лет, любовно собирал репродукции с исторических картин, посвященных ранним периодам революционной деятельности товарища Сталина.

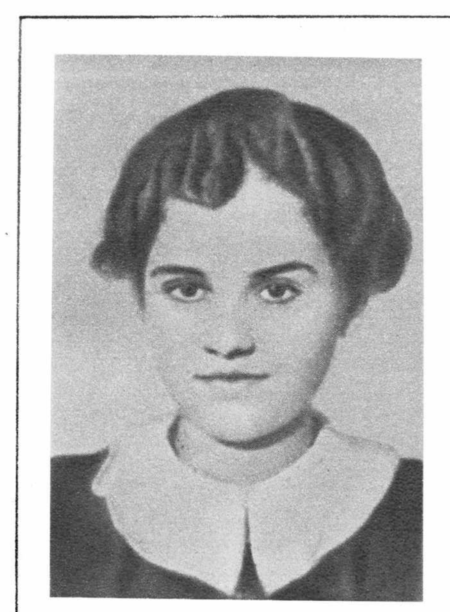
Разметчик завода кассовых аппаратов С. Ласточкин задался целью запечатлеть на полотне новаторов производства Дубинина, Бойцова, Дмитриева и других, ставших слушателями Технологического института. Другие живописцы увлеклись пейзажами и натюрмортами. Кисти художника, резцу скульптора отдают они все свободное время.

На снимке: занятия изостудии Дворца культуры имени С. М. Кирова в Ленинграде.

Фото И. Фетисова

МЕЧТА

Школьница Марина Чечнева. Снимок сделан в 1938 году.

Марина никогда не считала себя поэтом. Но эти стихи она сочинила в один присест, вернее, записала, так как давно их знала наизусть. Просто захотелось поведать свои мечты доброй спутнице — ученической тетради.

Я мечтаю быть пилотом
В нашей радостной стране,
Обогнать на самолете
Птицу в синей вышине.

Быть всех выше — наше право.
Нам не страшны вражьи своры:
Часовые на заставах
Чутко слышат каждый шорох.

В небе строй пилотов красных
Над страною реет гордо.
Я средь них. Стране прекрасной
Я отдам свои рекорды.

Стихи впоследствии были напечатаны в осоавиахимовском журнале «Самолет».

Последние строки сначала смущали автора своей категоричностью, но, рассудив, девочка решила, что, в сущности, она права: мечтать надо смело.

К тому времени (осень 1938 года) Марина уже посещала аэроклуб столицы, куда безуспешно пыталась поступить годом раньше, но за молодостью лет получила отказ.

Первый день занятий в аэроклубе запомнился Марине на всю жизнь. Новичков выстроили в длинном гулком коридоре, и высокий, с обветренным лицом инструктор обратился к ним неожиданно серьезно и чинно: «Товарищи курсанты». Инструктор подробно рассказывал о программе теоретической подготовки. Самолетовождение, теория полета, аэронавигация — от этих знакомых понаслышке слов уже «пахло» небом, простором, высотой!..

Взволнованная слышанным, заняла Марина место в увешанном схемами и макетами классе, раскрыла тетрадку для записей — ту самую, со стихами — и приготовилась к лекции. Так начиналось осуществление мечты.

Марина по доброй воле удлинила себе учебный день: утром занятия в школе, вечером — в аэроклубе. На стареньком «У-2» отделение училось правильно садиться в кабину, последовательно действовать при взлете,— словом, «разыгрывало» от начала до конца полет. Марине нравились эти инсценировки полета, и она просила инструктора давать ей самые сложные вводные задачи.

Как отличница, Марина первая поднялась в воздух. Она внимательно следила за движениями инструктора, за положением самолета, за стремительно уплывающей внизу землей. Ей позволяли только притрагиваться к ручке управления — и ничего больше.

Наконец наступил долгожданный день, когда Марине Чечневой разрешили самостоятельный полет. Было тихое апрельское утро. Конус, указывающий направление ветра, недвижно висел на мачте. Аэродром жил своей сложной, хлопотливой жизнью, и в нее без лишней робости вступала кареглазая московская школьница с детски припухлыми губами и шапкой каштановых волос.

Подавляя волнение, Марина садится в самолет. В передней кабине, где обычно находился инструктор, лежал сейчас мешок с песком. Подняв руку, Марина попросила старт и, когда стартер просигналил: «Взлет разрешаю»,— нажала на сектор газа. Заревел мотор, самолет плавно тронулся с места и побежал по укатанной дорожке. И вот Чечнева в воздухе. Машина послушно набирает высоту. Какой чудесной силой наделена Марина! Она может заставить самолет изменить направление, ринуться вниз, навстречу зеленеющей всходами земле, или погнаться за расплывающейся в солнечной синеве тучкой. Все это может Марина, но сейчас она думает о другом: как точно рассчитать посадку. Надо коснуться колесами земли у самого знака «Т». Подчиняясь твердой руке Марины, самолет оседает во влажном струящемся воздухе... Двадцать минут провела Чечнева в полете — первые двадцать минут.

А через год она уже сама обучала курсантов.

Не успела Марина выпустить первую группу пилотов, как началась война. К немногим часам учебных полетов инструктора Чечневой прибавилось более тысячи часов боевых вылетов. Под огнем вражеских зениток кружила Марина в ночном небе под Моздоком, на «Голубой линии», в Польше и Восточной Пруссии, сбрасывая бомбовый груз на укрепления противника. Иногда приходилось летать всю ночь (Чечнева служила в полку ночных бомбардировщиков), делать по восемь — десять вылетов, а то и больше.

21 декабря 1944 года экипаж капитана Чечневой вылетал на задания восемнадцать раз.

За годы войны окрепло мастерство молодой летчицы, закалились ее воля и мужество, она как равная вошла в славную семью Героев Советского Союза. Но в глубине души, не утратив прежней свежести и задора, жила мечта о рекордах, о которых так бесхитростно рассказывала она когда-то в стихах. Вот и пришло время выполнить обещанное...

Чечнева вернулась к полюбившейся ей работе инструктора: обучала молодых авиаторов в Центральном аэроклубе имени Чкалова, — а в свободные от занятий дни готовилась к рекордному полету. Маршрут Марины составлял треугольник: Тушино — Вязьма — Серпухов. При сложении сторон треугольника получалось расстояние, равное пятистам километрам. Это расстояние надо было пройти с максимальной скоростью, не сбиваясь с курса, ибо, сколько бы ни петлял самолет, его путь исчислялся теми же пятьюстами километрами.

Летать Марина решила на белокрылом приземистом «Яке». На этой прекрасной машине конструкции Яковлева она возглавляла пятерку воздушных спортсменов на авиационном празднике. Пилотажное мастерство Чечневой было высоко оценено — ее наградили орденом «Знак почета», восьмым по счету орденом.

Марина хорошо изучила повадки «Яка», заранее рассчитала высоту полета, на которой мотор давал наибольшую мощность, разведала трассу.

Все было готово, но в последнюю минуту вмешались синоптики: они предвещали облачность и дождь. Марина все же решила лететь. Ровно в одиннадцать часов самолет Чечневой прошел над центром Тушинского аэродрома и взял курс на запад. Вскоре он затерялся в хмуром осеннем небе.

Откинувшись на узком сиденье, Чечнева прислушивалась к мощному гулу мотора. На душе было светло от ощущения скорости, от радостного чувства исполнения желаний.

Самолет шел на небольшой высоте, стремительно пролетая над рыжими копнами убранных хлебов, над темными клиньями оврагов. Сгущавшаяся облачность и начавший накрапывать дождь усложняли ориентировку. Все труднее становилось вести самолет по курсу.

Северней Вязьмы, в вершине треугольника, Чечнева сделала разворот и покачала крыльями. В ответ с невидимого поста взлетела зеленая ракета. Это означало, что самолет прошел строго над заданной точкой и его пролет зафиксирован спортивным комиссаром. Можно продолжать путь.

Вскоре дождь перестал, но подул сильный боковой ветер. Теперь надо было учитывать снос ветра. Так продолжалось до Серпухова, второго отрезка треугольника. Оставалась последняя прямая.

Чечнева уже находилась в пути около двух часов; по времени скоро должна была показаться Москва. Она появилась в просветлевшей после дождя синеве, необозримая даже с высоты полета. А вот и Тушино, знакомый аэродром, где сходились лучи маршрута.

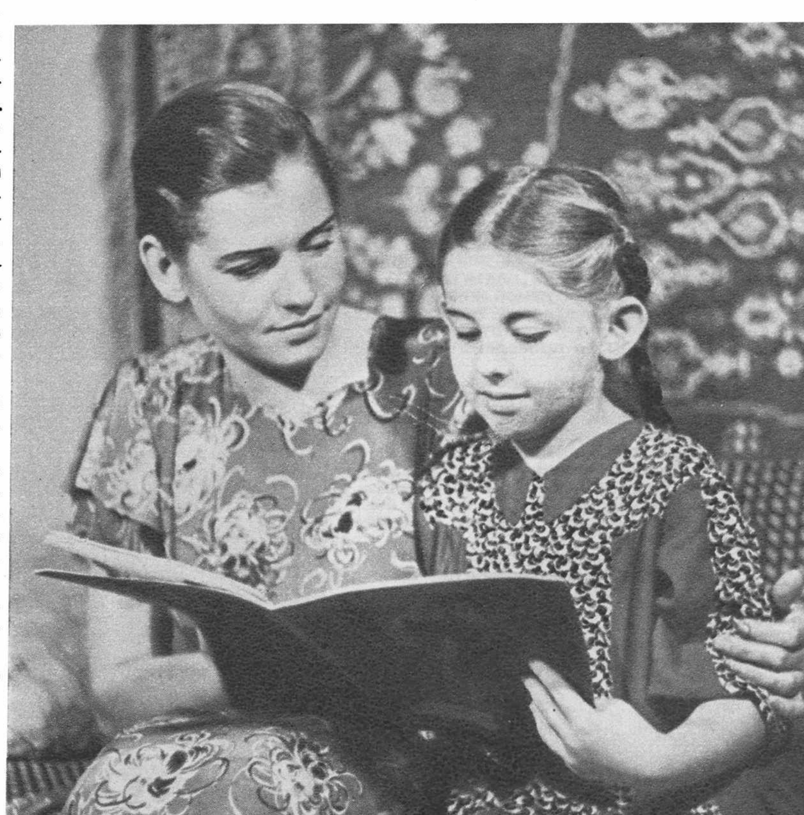
Убавив скорость, Марина пошла на посадку. Самолет мягко покатил по ровному полю. Привычным движением выключила Чечнева мотор и только сейчас, когда трудное испытание было позади, почувствовала усталость, приятную усталость человека, достигшего цели...

В наступившей тишине, такой непривычной для слуха пилота, различала Марина голоса подруг, учеников, спортивного комиссара. Ее поздравляли с победой. Пятьсот километров она покрыла за 2 часа 4 минуты, установив новый всесоюзный рекорд. Такой скорости на спортивном самолете второй весовой категории не показывал еще ни один летчик в мире.

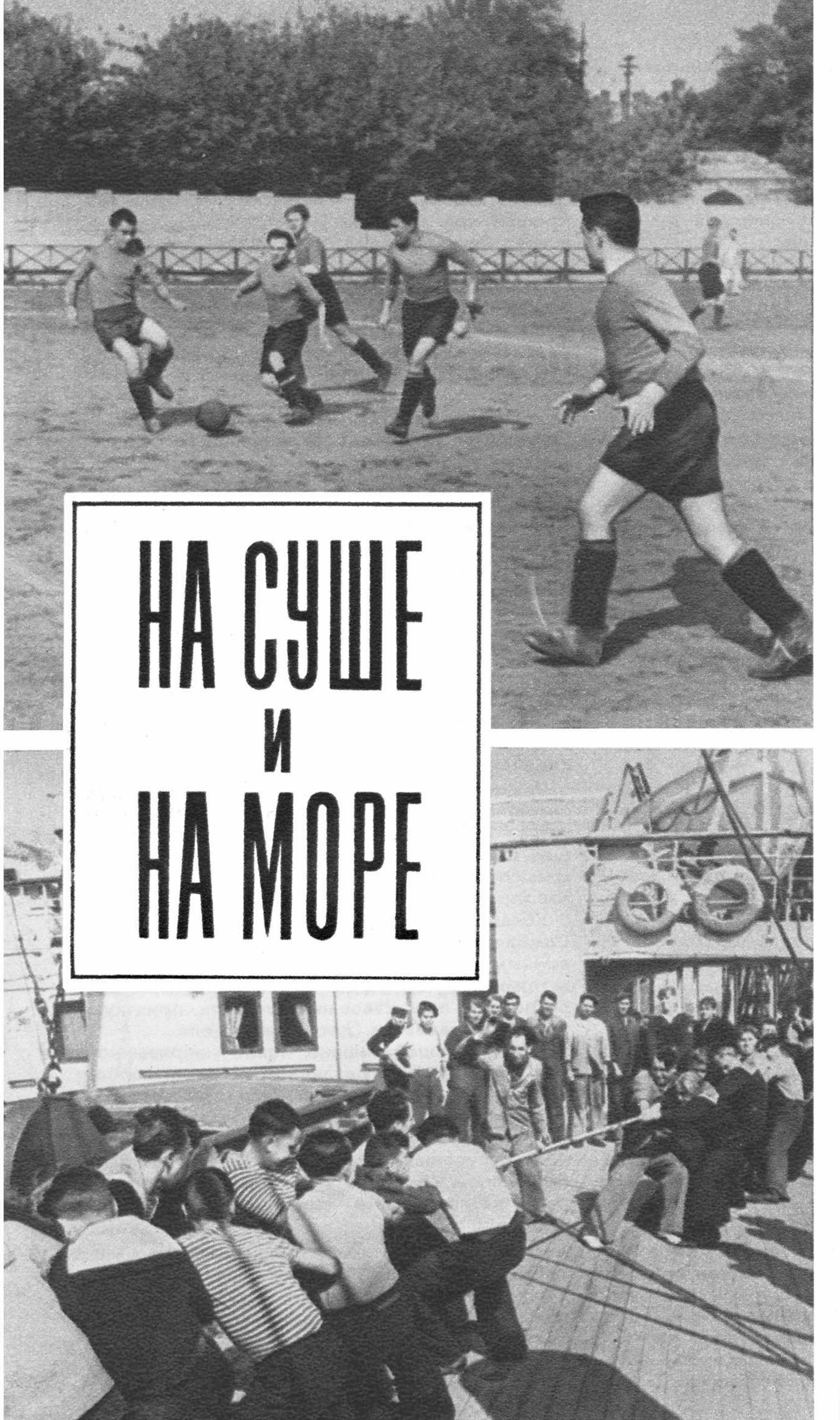
Кто-то подарил новой рекордсменке охапку полевых цветов. Свежие, перемешанные с душистой травой, они пахли родной землей, той землей, на которой осуществляется самая смелая мечта...

И. БОРИСОВ

Герой Советского Союза Марина Чечнева с дочерью.
Фото В. Евграфова.

НА СУШЕ И НА МОРЕ

Момент товарищеской встречи футболистов «Грузии» и «Петра Великого» на батумском стадионе «Динамо».

Перетягивание каната.

Семен Иванович Темкин, капитан парохода «Петр Великий», внимательно читал свежий номер стенной газеты «Флаг Родины».

Как и всегда, газета была красочно оформлена. Бросались в глаза рисунки, фотографии, карикатуры. Читая статьи и заметки, капитан то одобрительно хмыкал, то хмурил брови, то в знак согласия кивал головой. Газета читалась вся — от передовой до подписи редактора.

В разделе спортивной жизни была напечатана заметка, в которой говорилось, что в рейсе от Батуми до Одессы не было проведено ни одного соревнования.

Через некоторое время в каюту капитана были приглашены руководители всех спортивных секций парохода.

Когда собравшиеся расселись, Семен Иванович попросил дневники тренировок и выслушал сообщения о работе каждой секции. Тут же были намечены новые планы занятий и состязаний.

Час спустя, когда руководители секций выходили из каюты, вытирая вспотевшие, красные от смущения лица, судовой радист передавал в эфир радиограмму: «Капитану дизельэлектрохода «Россия». По прибытии в Батуми предлагаем состязания по футболу и турнир по шахматам на десяти досках. Капитан парохода «Петр Великий» Темкин».

На батумском стадионе общества «Динамо» с утра тренировались легкоатлеты, волейболисты, мотоциклисты, а в полдень начинался прием норм на значок «Готов к труду и обороне».

В прошлом году все физкультурники парохода получили значки ГТО первой ступени, и поэтому теперь комиссия принимала нормы второй ступени.

После обеда состоялось футбольное состязание.

Спортсмены «Петра Великого» играли явно сильнее своих противников. Сказывались систематические тренировки, которые проводит с ними общественный тренер второй механик парохода Александр Данилович Поливкин.

На пароходе две команды: одна состоит из палубных матросов, а другая — из работников машинного отделения. Эти команды часто проводят между собой соревнования, разыгрывая кубок парохода. Лучшие игроки обоих коллективов входят в состав сборной.

Когда счет стал 7 : 2 в пользу футболистов «Петра Великого», капитан дизельэлектрохода «Россия» Иван Александрович Ман не усидел на месте и встал.

— Не волнуйся!— засмеялся Семен Иванович.

— Ничего, у нас еще впереди шахматный турнир.

Но и шахматисты дизельэлектрохода «Россия» потерпели поражение. Иван Александрович, уходя с турнира, в котором он сам принимал участие, говорил Темкину:

— Да, твои физкультурники сильнее. Нашим надо у них поучиться.

Разрезая волны, движется «Петр Великий». В свободное от вахты время спортсмены-моряки тренируются в различных секциях, созданных физкультурным коллективом. Вот матросы Владимир Мануйлов и Александр Федорчук, токарь Петр Казарян проводят тренировочные бои на ринге, установленном на танцевальной площадке под шлюпочной палубой. Их тренер Александр Чернов внимательно следит за приемами боя, часто останавливает увлекшихся любителей бокса, делает замечания. Тяжелоатлеты занимаются на кормовой части палубы. Стрелки оборудовали себе тир. Гребцы построили для своих занятий байдарку, «двойку», «четверку». Для настольного тенниса сделаны специальный стол и ракетки. И даже кубки, которые разыгрывают между собой футболисты и шахматисты парохода, выточены самими физкультурниками.

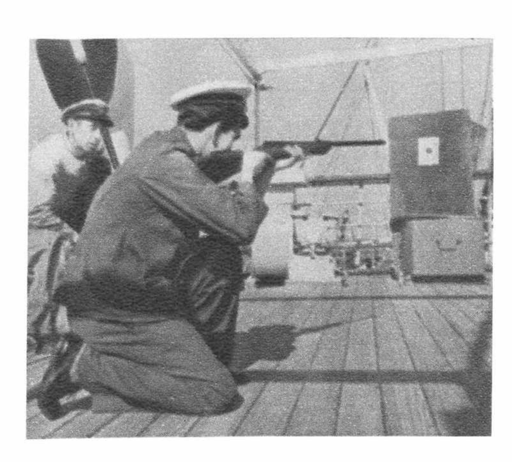
Выполняя наказ капитана, председатель низового совета коллектива физкультуры Семен Померанц проверяет дневники руководителей секций. В дневниках записаны число проведенных тренировочных занятий, предстоящие состязания.

Вечером, когда в иллюминаторах многочисленных кают загораются электрические огни, радист посылает через море очередную радиограмму:

«Ялта. Городской комитет физкультуры. Завтра будем в порту. Просим предоставить стадион для тренировок физкультурникам парохода «Петр Великий».

Б. СЛИВКО

Фото Мих. Рыжака

Стреляет четвертый помощник капитана В. Г. Бондарь.

↓ В торговом флоте существует вид спорта «бросание спасательного круга». Матрос 1-го класса А. В. Чернов в этом виде спорта достиг отличных результатов. На снимке: Чернов бросает спасательный круг.

Международный женский шахматный турнир

Только в нашем столетии женщины во многих странах мира начали серьезно заниматься шахматами. После окончания первой мировой войны была создана Международная шахматная федерация (ФИДЕ). Вскоре был проведен розыгрыш первенства мира среди женщин. Первой чемпионкой мира стала Вера Менчик. Она легко удерживала первенство в течение многих лет. Вера Менчик, чехословацкая подданная, родилась в Москве. Во время войны она погибла от немецкой бомбы в Лондоне.

Вера Менчик играла в силу хорошего мастера. Достаточно сказать, что она выигрывала у известных мастеров и даже у экс-чемпиона мира Эйве; два раза сыграла вничью с Флором в 1935 и 1936 годах, когда корреспондент «Огонька» играл в шахматы «удачнее», чем сегодня. Вера Менчик в турнирах не встречалась с советскими шахматистками, но москвичи помнят Веру Менчик по 1935 году, когда она участвовала во втором международном турнире.

В 1949 году в Москву приезжали сильнейшие шахматистки мира, чтобы выявить новую чемпионку. Первое место и звание чемпионки мира завоевала Людмила Руденко. Второе, третье и четвертое места также оказались в руках наших шахматисток: Рубцовой, Беловой и Быковой.

Так же, как и М. Ботвинник, Л. Руденко по решению ФИДЕ обязана защищать свое звание каждый третий год. Сейчас в Москве опять собрались лучшие шахматистки мира, чтобы в отборочном турнире выявить претендента на матч с чемпионкой мира Л. Руденко в 1953 году.

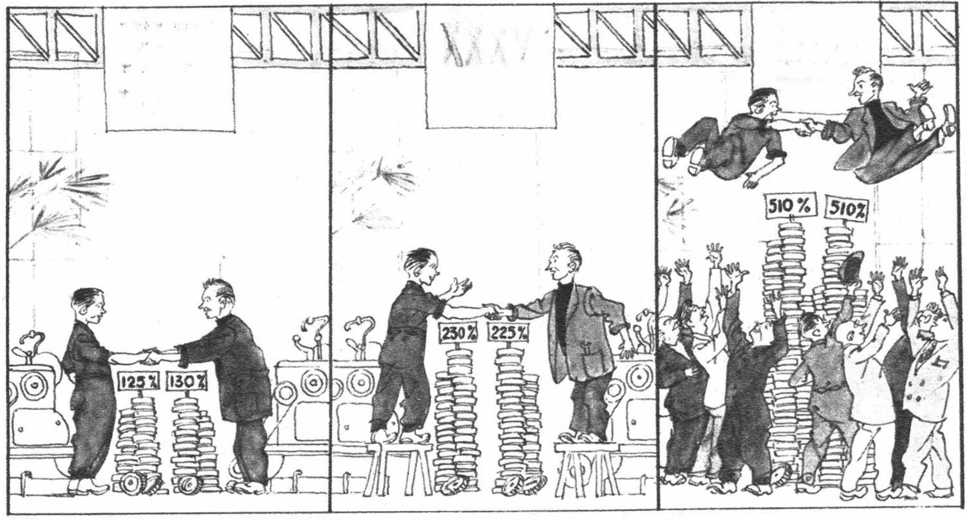
На красиво убранной эстраде Концертного зала ЦДСА реют флаги десяти стран. Среди участниц соревнования уже знакомые нам: француженка Шоде де Силан, немка Келлер-Германн, американка Карфф, голландка Хеемскерк, венгерка Лангош, чешка Грушкова-Бельска, англичанка Тренмер. Они, повидимому, горят желанием взять реванш за прошлые неудачи. Приехали и незнакомые еще москвичам: Рейшер из Австрии, американка Бейн, англичанка Брюс. Из далекой Аргентины прибыла Береа де Монтеро. У многих участниц турнира есть свои секунданты. Так, например, голландский мастер Принс и английский мастер Голомбек спешили из Стокгольма в Москву, чтобы поддержать своих представительниц на московском турнире.

Что изменилось в шахматном мире среди женщин после 1949 года? Можно сказать, что женщины стали больше интересоваться этой древней игрой, особенно у нас в СССР. Многим шахматисткам (в том числе пяти советским) присвоено звание мастера, некоторым — звание международного мастера.

В СССР появились молодые (как по возрасту, так и по шахматному стажу) шахматистки, и наши чемпионаты проходят в очень напряженной борьбе. Но и иностранные шахматистки пользовались каждым удобным случаем, чтобы тренироваться. Шоде де Силан играла в команде Франции, и от нее «пострадали» некоторые мужчины.

Пять наших представительниц — опытные шахматистки, и мы вправе рассчитывать на их успех в этом состязании.

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Изошутка Ю. Черепанова

Наборная машина Егора Шрейдера

В 1907 году художник Егор Егорович Шрейдер запатентовал оригинальную «электромеханическую наборную машину». Она позволяла делать набор различными шрифтами на семи языках. Управление аппаратом производилось с помощью электричества.

Конструкцию машины удалось довольно полно восстановить по чертежам, приложенным к патентному описанию. Об изобретателе и судьбе изобретения историки полиграфии ничего не знали. Наши сведения об изобретателе ограничивались краткой справкой, приведенной в «привилегии»: он был «классный художник» и жил в городе Ялте.

Помог случай.

...На выставке новых поступлений Ленинской библиотеки находилась небольшая книжечка: монография о заслуженном деятеле искусств РСФСР художнике Г. С. Верейском. В предисловии этой книжки мимоходом сообщалось, что Верейский получил художественное образование в Харькове, в частной школе художника Шрейдера.

...В бытность свою в Ленинграде осенью 1950 года я позвонил Георгию Семеновичу Верейскому. Полчаса спустя я сидел в его студии на Васильевском острове.

Георгий Семенович извлек свои старые альбомы и с увлечением рассказывал о том далеком времени, когда он учился у Егора Егоровича Шрейдера...

Е. Е. Шрейдер. Один из ранних рисунков Г. С. Верейского.

Позднее, уже в Москве, в фондах Московского областного архива удалось обнаружить новые материалы о Шрейдере. Сейчас его биография ясна.

Е. Е. Шрейдер — художник-пейзажист. В 1872 году он окончил Петербургскую академию художеств.

Идея наборно-разборной машины возникла у Шрейдера в начале нынешнего столетия. Первую модель он построил в 1903 году. В 1906 году, то есть уже в весьма почтенном возрасте, художник поступил учеником в одну из харьковских типографий «для изучения практической стороны дела».

Шрейдер сконструировал несколько оригинальных моделей наборных машин.

Последняя модель машины была запатентована.

В 1908 году при Московском университете на капитал, оставленный по завещанию неким Леденцовым, было организовано «общество для поощрения развития точных наук и механики».

Е. Шрейдер обратился в это общество с просьбой помочь ему построить действующую модель машины. Завязалась длительная, но безрезультатная переписка. Последние письма престарелого художника нельзя читать без волнения.

«Простите, голубчик,— пишет Шрейдер одному из руководителей общества,— что утруждаю Вас моей просьбой, но что мне делать. Я совсем выбился из сил и вот сегодня всю ночь чувствовал себя плохо. Помогите старику. Верьте, что я радею больше о благах ближних, чем о своих личных. Не могу больше писать, мне нехорошо».

Наконец собралась экспертная комиссия, проанализировавшая изобретение Шрейдера. Комиссия отметила, что «в чертежах наборной машины проявляется незаурядная изобретательность автора, который при отсутствии технической подготовки сумел разрешить ряд трудностей — в такой степени, что наборная машина представляется вообще осуществимой »

Несмотря на положительный отзыв комиссии, денежное пособие на постройку машины выдано Шрейдеру не было.

Изобретатель получил признание и поддержку только после Великой Октябрьской социалистической революции.

В мае 1921 года его проект рассматривался на съезде рабочих полиграфического производства. В том же году губисполком города Екатеринослава (где тогда жил Шрейдер) постановил приступить к постройке опытного образца наборной машины.

К сожалению, изобретатель не смог увидать свое изобретение в действии: 13 августа 1922 года Егор Егорович Шрейдер скончался на восьмидесятом году жизни. Наборная машина, созданная им, лишний раз свидетельствует об оригинальности и своеобразии отечественной техники.

Е. НЕМИРОВСКИЙ

8. САМОЕ ГЛАВНОЕ

Она смотрит на тебя, читатель, большими веселыми глазами, эта пионерка, эта отличница учебы, и словно говорит: «Меня зовут Валя Гагаринова. Я живу в колхозе «Красный Октябрь». Мне очень хорошо, потому что я знаю, что добьюсь всего, чего мне хочется».

А хотелось ей стать агрономом-мичуринцем. И она им стала. Все условия для этого имела она в своих родных Вожгалах.

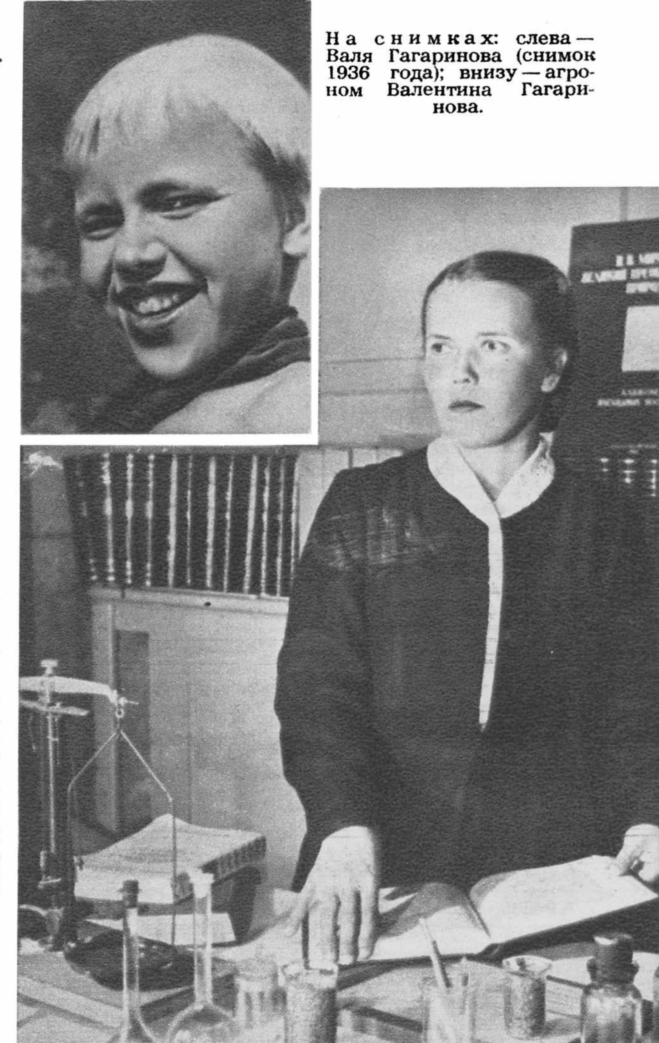
Книги? Она брала их в прекрасной колхозной библиотеке.

Опыты? Она ставила их на полях и в колхозной лаборатории.

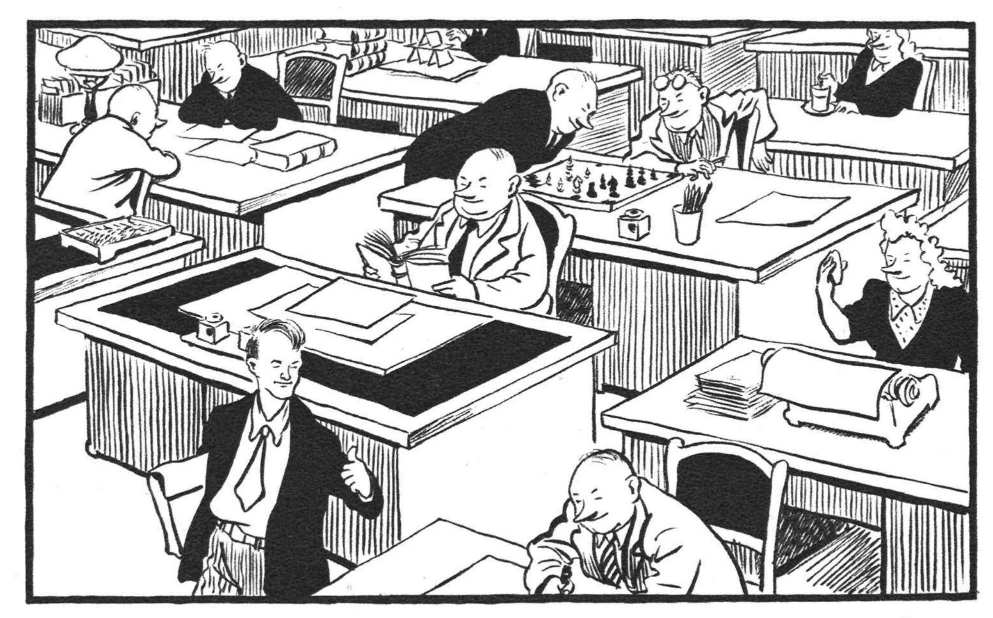
И опыты такие, что пришла высокая награда — орден Ленина, пришла слава сначала на всю Кировскую область, потом на всю страну.

В колхозной деревне строятся дома культуры, школы-десятилетки, гидростанции, радиоузлы, санатории и вместе с ними растут чудесные люди, такие, как агроном Валентина Гагаринова, бывшая пионерка.

И в этом самое главное.

На снимках: слева — Валя Гагаринова (снимок 1936 года); внизу — агроном Валентина Гагаринова.

ДЯДЯ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ

— Почему вы их никогда не критикуете?
— Я не люблю вмешиваться в семейные дела...

«САМОСТОЯТЕЛЬНО» ИЗУЧАЮЩИЙ...

— Вы на какой странице остановились?
— Неужели забыли? Ведь я еще в прошлом месяце сказал: на шестой...

СЕКРЕТ УСПЕХА

— А Иван Петрович — душа общества, он всегда в центре внимания. Как ему это удается?
— О, он знает секрет...

Рисунки Е. Ведерникова

ХОЛОДНЫЙ СВЕТИЛЬНИК

В институте имени Склифосовского, в операционном зале, где работает лауреат Сталинской премии Борис Александрович Петров, над длинным белым столом подвешен необычайный светильник. Внутри огромного купола, закрытого снизу пластиной небьющегося стекла,— вертикальный пучок люминесцентных ламп.

Уже два часа длится операция, а руки и голова хирурга не согрелись под интенсивными лучами «дневного» света. Над раной склонились головы хирургов и ассистентов, а на всем операционном поле нет ни одной мешающей тени.

Хирургический светильник «дневного» света создан во Всесоюзном научно-исследовательском институте медицинского инструментария и оборудования.

Чтобы хорошо оперировать, нужно прежде всего хорошо видеть! Это известно каждому хирургу. Существующие светильники с лампами накаливания не удовлетворяют возросшим требованиям медицины. Даже самые лучшие из них дают тени, излучают тепло, обжигают эпителий раны и плохо освещают глубинные операционные полости.

Для того, чтобы получить светильник, способный при всех прочих требованиях достаточно ярко освещать раневые поверхности любой ширины и глубины, создателям его пришлось найти оригинальное математическое решение и придать рефлектору необычную форму. Свет так перераспределяется в рефлекторе, что раневой участок на любой глубине освещается всеми точками светового купола. При этом — что немаловажно — зеркало рефлектора не отражает окружающих предметов.

М. ДМИТРИЕВА

КРОССВОРД

По горизонтали:

9. Кустарник или небольшое деревцо. 10. Образцовый работник. 11. Прибор для определения числа оборотов вращающихся частей машин. 13. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». 14. Боковая поверхность дорожной насыпи. 15. Торжественное обещание. 16. Часть холодного оружия. 17. Речь действующего лица пьесы. 19. Специальность ученого. 21. Специальность. 23 Единица электрической емкости. 24. Вьюга. 28. Часть удочки. 31. Автор книги «Это было под Ровно». 33. Гидрометрический прибор. 34. Минерал. 36. Искусный наездник. 37. Название романа Т. Драйзера, входящего в «Трилогию желания». 38. Фамилия героини пьесы В. Овечкина. 39. Почтительное отношение. 40. Болеутоляющее средство. 41. Способ печатания.

По вертикали:

1. Рабочий одной из отраслей промышленности. 2. Газетный работник. 3. Приспособление, связывающее части сооружения. 4. Прибор, используемый в музыке для регулирования темпа и ритма. 5. Астрономический прибор. 6. Оптическое стекло. 7. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 8. Совокупность наук, изучающих историю, языки, литературу и культуру Китая. 12. Сочетание нескольких музыкальных тонов. 17. Известный русский артист. 18. Ледник. 20. Военная операция. 22. Степень зрелости плодов. 25. Спортивное общество. 26. Рукав реки. 27. Определение, истолкование понятия. 29. Герой романа В. Пановой «Кружилиха». 30. Город на Сахалине. 31. Советский скульптор. 32. Тесная связь, солидарность. 35. Логическое обобщение опыта; система руководящих идей в той или иной отрасли знания. 36. Созвездие.

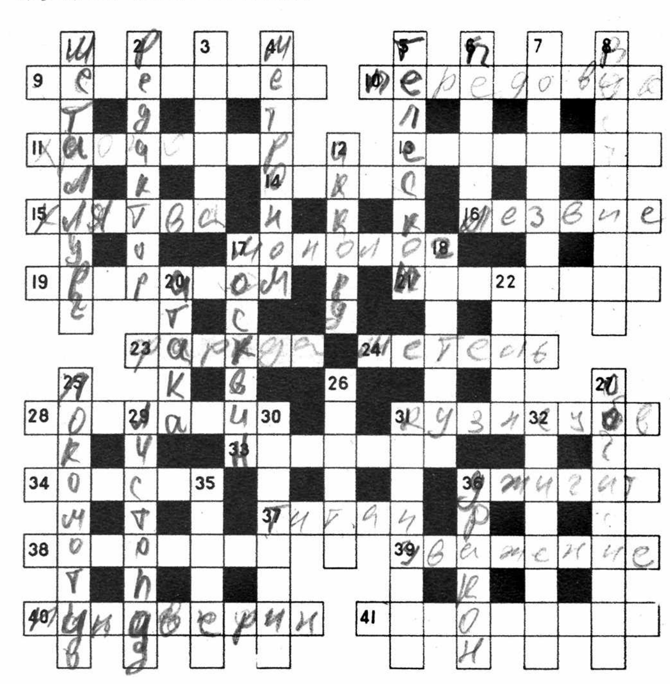
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали:

6. Электротехник. 9. Перевод. 10. Инерция. 13. Обмен. 14. Сатуратор. 15. Копер. 18. Известь. 21. «Зиночка». 22. Радикал. 23. Ферросплав. 24. Карикатура. 27. Депозит. 29. Эскадра. 30. Скворец. 33. Овлур. 34. Кабельтов. 35. Канин. 38. Водопад. 39. Погодин. 40. Консерватория.

По вертикали:

1. Аллея. 2. Акробат. 3. Кооперация. 4. Ахундов. 5. Вихрь. 7. Перевес. 8. Пирогов. 11. Обязательство. 12. Шелкопрядение. 16. Атмосфера. 17. Дидактика. 19. Гамалея. 20. Сахалин. 25. Посольство. 26. Фамусов. 28. Нотация. 31. Татарск. 32. Водород. 36. Порог. 37. Копия.

ШАШКИ. Решение этюда Г. Маркосова

1. f6—h4! f4—e3 (если 1. . . . g1—h2, то 2. b4—c5! f4—g3 3. h4 : e1 h2—e5 4. e1—g3! e5 : h2 5. a7—b8 и выигрывают). 2. b4—c5 g1—h2 (на 2. . . . e3—d2 следует 3. h4—e1 или h4—d8 с выигрышем) 3. a7—b8 h2—g1 (грозит 4. c5—d6) 4. h4—f2!! e3—d2 5. b8—a7 и выигрывают.

В этом номере помещены репродукции картин А. М. Герасимова «В. И. Ленин на трибуне», И. И. Бродского «Иосиф Виссарионович Сталин», В. М. Орешникова «В. И. Ленин и И. В. Сталин в штабе обороны Петрограда», И. И. Бродского «Владимир Ильич Ленин в Смольном», Д. А. Налбандяна, В. Н. Басова, Н. П. Мещанинова, В. А. Прибыловского, М. А. Суздальцева «Власть Советам — мир народам», В. А. Серова «Ходоки у В. И. Ленина».

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 04500. Подп. к печ. 27/X 1952 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 836. Заказ № 2482. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

В Государственном музее Революции СССР. Экскурсанты в зале Победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Фото В. Евграфова

Цена номера 3 руб.

Взятие Кремля. Рабочие и солдаты берут штурмом ворота Никольской башни.

Рисунок В. С. Климашина